

Арина Теплова

С
УЖЕНЫЙ
Невеста князя

18+

Суженый

Арина Теплова

Суженый. Невеста князя

«Автор»

2022

Теплова А.

Суженый. Невеста князя / А. Теплова — «Автор»,
2022 — (Суженый)

1815 год. Богатый грузинский князь Серго Асатиани решает жениться на русской подданной. Приняв предложение, граф Бутурлин соглашается отдать свою дочь Елену в жены влиятельному князю. Молодая невеста отправляется в далекую Грузию на предстоящую свадьбу. Однако никто даже не подозревает, что под именем графини Елены Бутурлиной в те дикие опасные края едет совершенно другая девушка — бедная дворянка Софья Замятина. Запуганная несчастная Софья, играя роль графини, следует на окраину Российской империи, чтобы выйти замуж за незнакомого и грозного князя Асатиани...Дилогия. Вторая книга выйдет в начале января 2023 года.

© Теплова А., 2022

© Автор, 2022

Содержание

Пролог. Отражение	6
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. Зачарованный край	9
Глава I. Дочь	10
Глава II. Елена	15
Глава III. Мечты	19
Глава IV. Нападение	24
Глава V. Горцы	29
Глава VI. Перевал	34
Глава VII. Побег	39
Глава VIII. Река	43
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Арина Теплова

Суженый. Невеста князя

Внимание! В книге встречается упоминание нетрадиционных сексуальных установок, но это не является пропагандой. В книге присутствует осуждение нетрадиционных сексуальных отношений.

Настоящая искренняя любовь не терпит полумеры, намеков и тайн. Она словно бурный поток реки, который сметает на своем пути все сомнения, недомолвки и опасения...

Я никогда не научусь,
Встречать рассветы без тебя
Я потерять тебя боюсь,
Любя, любя...
Я никогда не научусь
Уже счастливым быть с другой
Я потерять тебя боюсь
Постой, постой...

А.Брянцев

Пролог. Отражение

Санкт-Петербург, особняк Замятиных,
1805 год, Святки

Софья оправила красивое пышное платье из белой кисеи и довольно улыбнулась своему прелестному отражению в зеркале. Сегодня наконец наступил долгожданный день ее девятих именин. Уже через полчаса к ним в дом начнут съезжаться гости. Наверняка будут и ее подружки – Лиза Юсупова, Танечка и Алина Одинцовы. Девочка, накрутила на пальчик золотисто-рыжеватый локон, красиво положив его на хрупкое плечико, и, звонко рассмеявшись, выбежала из своей спальни. Она вихрем пронеслась мимо детской братца Ильюши, где хлопотала над малышом ее милая крепостная няня, и спустилась вниз по парадной лестнице. Матушка ее, наряженная в темно-изумрудное платье из переливающегося шелка, заслышав легкие шаги дочери, обернулась и ласково улыбнулась.

– А вот и ты, моя милая, – проворковала Екатерина Ивановна и, обняв дочь, нежно поцеловала ее в светло-медовую мягкую макушку. Отстранив девочку, она тихо добавила по-французски. – Иди скорее в гостиную, Софи. Батюшка твой, Николай Александрович, приготовил тебе подарок.

Софья радостно кивнула и устремила в гостиную к отцу.

Уже поздно вечером, около полуночи, ошавевшая от подарков, многочисленных танцев и веселья, Софья довольно плюхнулась на мягкую кровать и устало прикрыла глаза.

– Как же я счастлива! – воскликнула она, весело рассмеявшись. Горничная подошла к ней и вежливо предложила:

– Давайте я помогу вам раздеться, барышня.

– Не надо, Феклуша. Я сама позже сниму платье, – приветливо ответила ей девочка. – Ты, наверное, устала, ступай спать.

– Как прикажете, Софья Николаевна, – кивнула горничная и быстро покинула спальню.

Софья была единственной дочерью в семье Замятиных. Отец и мать не чаяли в ней души и любили безгранично. Все ее капризы и пожелания мгновенно исполнялись. С детства Софья видела любовь матери и отца, их нежное отношение друг другу, их ласки. Именно так, по мнению девочки, и должны были жить муж и жена. Когда родился ее брат Илья, родители так же начали баловать и ласкать его. Но Софья никогда не чувствовала, что ей не хватает родительской любви. У отца и матери всегда находилось время и на старшую дочь, и на младшего сына.

Раздался тихий стук в дверь, и девочка села на постели.

– Входите! – громко произнесла она.

Створка распахнулась, и в дверном проеме показалось озорное личико Лизоньки Юсуповой. Несколько десятков дворянских семей вместе с детьми, которые были приглашены на праздник и приехали из пригорода столицы и других дальних имений, остались в эту ночь в особняке Замятиных. Семья Лизы была в их числе.

– Софи, ты не спишь? – спросила тихо Лиза по-французски.

– Нет, конечно! – ответила Софья.

Лиза обернулась назад и кого-то позвала. В спальню вихрем влетели еще две девочки в красивых балльных платьях, ровесницы Софьи и, закрыв за собой дверь, взволнованно затараторили:

– Лукерья Потаповна, твоя няня рассказала нам, как надо гадать!

– Неужели? – удивилась Софья и слезла с постели.

– Да. На жениха! – возбужденно выпалила Танечка. – Только родители запретили нам теперь и велели идти спать. Но мы хотим погадать сейчас. Вот мы и решили у тебя!

– Давайте рассказывайте! – воодушевилась Софья.

– Надобно два зеркала поставить друг напротив друга...

Уже спустя некоторое время девочки подтащили большое напольное зеркало на колесиках к высокому трюмо с зеркалом. Самая бойкая из них, Лиза, которой уже исполнилось одиннадцать, первой встала между зеркалами и серьезно произнесла:

– Суженый-ряженный, приходи ко мне ночью ужинать!

Остальные девочки, стоящие чуть в стороне, захихикали, довольно переглядываясь друг с другом. Лиза же с серьезным видом начала вглядываться в зеркальное пространство.

– Ну, видишь что-то? – не удержалась восьмилетняя Алина, самая младшая, теребя голубой бантик на платье.

– Нет пока, – отмахнулась Лиза от них. Девочки опять захихикали, и Лиза недовольно добавила: – Лукерья Потаповна сказала, что тихо должно быть. А вы все смеетесь.

Лиза опять устремила напряженный взор в зеркало, видя лишь свое прелестное отражение в розовом платье. Девочки затихли. Лиза замерла между зеркалами и вновь повторила нужные слова. Около пяти минут девочка, нахмурившись, всматривалась в зеркало и вдруг воскликнула:

– Вижу! Вижу! Светловолосый гусар! Какой красивый! – воскликнула Лиза. Девочки вмиг сорвались с места и начали заглядывать в зеркало к Лизе.

– Пропал! – недовольно заявила Лиза. – Что вы прям неугомонные какие!

– Теперь я! Теперь я, – затараторила Софья, легко отталкивая Лизу и вставая между зеркал.

Лиза недовольно отошла к Алине и Тане.

Софья быстро протараторила слова и, подмигнув подружкам, устремила свой взор в зеркало. Она увидела длинный коридор, который создавался двумя направленными друг на друга зеркалами, а посередине него себя. Девочки замолкли и Софья, поджав губки, усиленно смотрела в зеркала. Она стояла долго, несколько минут, но ничего не было видно. Она вновь повторила заветные слова уже медленнее и более осознанно и устремила пытливый взгляд в длинный зеркальный коридор, но опять ничего не разглядела.

– Не получается! – воскликнула Софья, не видя ничего, кроме своего отражения.

В это мгновение пробило полночь. Софья невольно обернулась на каминные часы, а затем вновь посмотрела в зеркала, нахмурившись. В следующий миг девочка похолодела, и ее зрачки расширились от увиденного.

На сером фоне, посреди зеркального коридора, едва озаренного светом нескольких свечей, что стояли в ее спальне, отчетливо была видна высокая фигура мужчины. В черном длинном камзоле, доходившем ему почти до колен, в мягких сапогах, в высокой мохнатой темной шапке, он показался Софье зловещим. Его лицо, неприятное, суровое, смуглое, с черной короткой бородой, с яркими красными губами и жесткими высокими скулами, казалось хмурым и мрачным. Широкоплечий, дерзкий и мощный мужчина держал натянутую в перчатку руку на эфесе длинной сабли. От его взгляда, горящего, угрожающего и яркого, по телу девочки прошел ледяной озноб. Весь облик устрашающего незнакомца показался ей невероятно опасным и пугающим. Похолодев от ужаса, Софья невольно глухо вскрикнула и упала на ковер, потеряв сознание.

Когда она пришла в себя и раскрыла глаза, то увидела над собой всех трех подружек.

– Софьюшка? – тараторили они, хлопая ее по щекам. – Что с тобой?

Помотав головой, Софья медленно села, диким взором смотря на девочек, и вымолвила:

– Ужас! Я видела... – она замялась и закрыла лицо руками.

– Кого ты видела? – спросила Лиза.

Но Софья быстро вскочила на ножки и бросилась на постель. Уткнувшись лицом в подушку, девочка расплакалась. Ее подружки тихо стояли около зеркал и переглядывались, ничего не понимая.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. Зачарованный край

С влажной розы ты, сбросив стыдливый покров.
Принесла мне сумятицу в виде даров.
С волосок твоя талия! Лик покажи мне!
Я расплавлен как воск и к страданиям готов.

О.Хайям

Глава I. Дочь

Санкт-Петербург, Фонарный переулок,
1815 год, Март, 25

Смеркалось. Девушка в сером платье из простого сукна и в темном плаще быстро поднялась по грязной лестнице на второй этаж доходного дома. Подойдя к дальней двери, которая располагалась в самом конце темного коридора, она тяжело вздохнула и, нажав на дверную ручку, вошла. Маленькая комнатуха, наполненная смрадным запахом спиртного, с единственным небольшим окном, тут же вызвала в ее существе чувство брезгливости. Преодолев в себе гадливое отвращение, она прошла дальше, в темную комнату, и устремила тревожный взор на узкую койку, стоящую у стены. Она приблизилась к кровати и озабоченно наклонилась над стариком, лежащим на грязной постели без одеяла. Сильный винный запах, исходивший от него, воспаленная и отекая кожа вызвали на красивом лице девушки страдальческое выражение, и она тихо произнесла:

– Вы опять пили, батюшка?

Старик медленно раскрыл красные глаза и уставился ослеплым мутным взором на юную девушку, которая склонилась над ним. Вдруг его взгляд стал напряженным.

– Катенька... радость моя... – пролепетал нежно он.

Софья замерла, понимая, что отец спьяну принял ее за покойную мать.

– Батюшка, это я, Софи, – печально произнесла девушка по-французски.

Глаза старика раскрылись сильнее. В следующий миг он нахмурился и взглянул на дочь более осознанно.

– Софьюшка! – вымолвил старик и чуть приподнялся на локтях. – Прости, доченька, – добавил он по-французски и вновь перешел на русский: – Я не узнал тебя, милая. Ты так похожа на свою матушку...

Старик нахмурился и кряхтя сел на постели. Видя, что Николай Александрович пытается встать на ноги, Софья быстро помогла ему. Замятин, шатаясь, приблизился к столу, на котором стоял самогон, и схватился за бутылку. Девушка тут же бросилась к отцу и положила свою ручку на его сухую ладонь.

– Не надо, батюшка, – попросила она нервно. – Не пейте больше. Ведь вам завтра на службу в контору надобно идти.

– Пусти, – недовольно вымолвил старик, отстраняя дочь. – Надобно мне забыть...

Николай Александрович налил себе полную рюмку и под тяжелым трагичным взором дочери быстро опрокинул спиртное в себя. Софья несчастно смотрела на высокую тощую фигуру отца и вдруг вспомнила, каким он был три года назад. Тогда еще была жива ее матушка, Екатерина Ивановна. И батюшка, эффектный подтянутый поджарый военный в темном зеленом мундире помнился ей веселым и добрым, седовласым и моложавым в свои пятьдесят лет. Тогда они счастливо и беззаботно жили в большом двухэтажном особняке на Тверской улице, их семейство было богато, знатно и уважаемо в обществе.

Но вскоре все поменялось, и несчастья последовали одно за другим. Сначала скоропостижно умерла Екатерина Ивановна, и Замятин начал с горя пить, затем он пристрастился еще и к картам. Менее чем за год Николай Александрович промотал все их состояние. Проиграл в карты усадьбу и родовое поместье с тремя деревнями, которое унаследовал от своего отца. Пытаясь расплатиться с кредиторами, Замятины были вынуждены продать особняк в Петербурге и еще остались должны. Их главный кредитор, влиятельный граф Дмитрий Егорович Бутурлин, требовал возвращения долга и даже грозил упечь Николая Александровича в долговую тюрьму.

В тот злосчастный день только слезы Софьи, которая бросилась на колени перед стареющим графом и слезно умоляла не делать этого, умиливали сердце Бутурлина. Граф предложил Замятину сделку: Софья должна была поступить горничной на службу к его дочери Елене, ибо Бутурлин уже давно подыскивал девушку для этого и никак не мог найти подходящую. Горничная должна была своим видом и образованием удовлетворять изысканный вкус дочери графа. Крепостные девки казались графу слишком примитивными для этого, а мещанки глупыми. Оттого, по словам Бутурлина, Софья как нельзя лучше подходила на эту роль. Дмитрий Егорович пообещал жалование Софьи отправлять на покрытие долга, а также устроил Николая Александровича управляющим на кожевенный завод. Благодаря этому, через десять лет службы Замятина намеревались полностью рассчитаться по долгам.

Софья, счастливая, оттого что ее мольба не стала напрасной, ибо Бутурлин так смилостивился над ними, с воодушевлением начала исполнять свои новые обязанности горничной при дочери графа Елене Дмитриевне, которая была всего на два года старше нее самой. Но Николай Александрович не оценил всех хлопот Софьи и ни в какую не хотел работать и начинать новую жизнь. Он постоянно пьянствовал, прогуливал службу, словно его совсем ничего не волновало в этой жизни. Замятину грозило непременное увольнение, и Софья отчаянно боялась этого. Ибо прекрасно понимала, что без жалования отца ей одной никогда не расплатиться по долгам с Бутурлиным. Ее жалование горничной, довольно скудное, не превышало даже третьей части суммы, которую получал на службе ее отец. Да, Софья жила в шикарном особняке Бутурлиных, ела там же на кухне со слугами и оттого почти не тратила деньги. Ибо даже простые платья ей шились, как и всем слугам Бутурлиных, за счет графа. Но все равно ее мизерного жалования не хватило бы для быстрого покрытия долга. Только по просьбам Софьи, которая постоянно ходила к управляющему заводу и простила не увольнять отца, полупьяного Замятина терпели в конторе.

Замятин опять вылил в себя рюмку и, усевшись за стол, ласково посмотрел на дочь.

– Ты одна у меня осталась, – пролепетал он. – Матушка-то твоя покинула меня и совсем не пожалела меня.

– Батюшка, зачем вы так говорите? – с болью заметила Софья.

– Да, именно так! Оставила меня одного на этом свете! А как я без нее жить должен, позволь тебя спросить? – с надрывом пролепетал Николай Александрович, вновь наливая рюмку.

Софья, видя, что отец вновь намерен выпить, выхватила из его руки рюмку.

– А нас с Ильешей вам не жаль, батюшка?! – воскликнула она в сердцах. – Прошу вас, не надо более пить! Опять Никита Лукич недоволен будет! Я уже не знаю, как его просить за вас!

– Не проси! – возмутился Замятин, вскакивая на ноги и пытаясь забрать у девушки рюмку. – Что ты унижаешься перед этим скотом?!

– Он над вами начальствующий, батюшка. Выгонит он вас со службы, как же мы тогда Дмитрию Егоровичу долги выплачивать будем?

– Отдай! – воскликнул недовольно Замятин и вновь попытался отобрать рюмку у дочери.

Но Софья отбежала к двери и истерично выпалила:

– Отец! Я прошу вас!

– Отдай, гадкая девчонка! – возмутился старик и, схватив дочь за плечо, отобрал у нее рюмку.

Он быстро подошел к столу и вновь налил себе спиртное. Софья с болью и слезами на глазах смотрела на сухую фигуру отца и вдруг вспомнила, что когда-то он был заботливым и любящим. Качал ее на коленях и постоянно шутил. А теперь ее отец превратился в обрюзгшее невменяемое чудовище, которому было наплевать на ее страдания и просьбы. Всего за два года он постарел на десять лет и теперь выглядел старым и дряхлым. Замятин опять уселся на стул и проворчал:

– Только она любила меня. А ты, неблагодарная, даже не понимаешь, что отцу надо забыться.

Софья поджала от обиды губы и несчастно подумала о том, что после смерти матери отец изменился до неузнаваемости. Он перестал интересоваться жизнью ее и Ильюши. Словно ему сделалось все равно, что будет с ними дальше. Вытирая маленьким кулачком уже побежавшие по щекам слезы, девушка взвилась с места и выскочила за дверь. Стремительно слетев с деревянной лестницы, она устремилась на морозную улицу, понимая, что бороться с пагубным пристрастием отца у нее нет сил.

В тот миг, когда холодный мартовский ветер ударил сильным порывом в ее нежное лицо, Софья отчетливо осознала, что теперь она одна на этом свете. И должна бороться за свою жизнь и за жизнь маленького брата сама. Ибо Николай Александрович теперь совсем не любил их и не хотел ничего более от этой жизни.

Санкт-Петербург, набережная р.Мойки

Всю дорогу до особняка Бутурлиных девушка почти бежала, стремительно перемещаясь по мостовой и задыхаясь. Она спешила, зная, что Елена Дмитриевна уже сердится. Ведь Софье было велено только снести письмо по нужному адресу, а она еще зашла к отцу. Уже приблизившись к гранитным берегам реки Мойки, девушка чуть замедлила шаг и, пытаясь отдышаться, пошла чуть медленнее.

Она подошла к парадному крыльцу помпезного особняка Бутурлиных в тот момент, когда по мраморным ступеням спускались три молодых офицера в зеленых мундирах. Невольно проходя мимо них, девушка почтительно склонила голову в знак приветствия и лишь на мгновение кинула взгляд в их сторону. Она удивленно отметила, что один из молодых людей ей знаком. Когда-то давно, два года назад, когда ей едва исполнилось семнадцать и она попала на свой первый и единственный бал, Софья танцевала с этим офицером два раза. До сих пор помнила имя молодого человека – Иван Федорович Аксаков. Однако теперь она была всего лишь нищей дворянкой и не могла позволить себе даже появиться на светских вечерах изысканной публики. Молодой человек, похоже, тоже узнал ее, и едва Софья прошла мимо, окликнул:

– Сударыня, извините! – Девушка уже наверху лестницы обернулась, и молодой русоволосый человек, сделав несколько шагов вверх по лестнице в ее сторону, вымолвил: – Добрый вечер! Софья Николаевна, если не ошибаюсь?

Софья испуганно вскинула на него глаза, поняв, что Иван узнал ее. Но она понимала, что теперь между этим изысканным молодым человеком и ней пропасть.

– Вы обознались, сударь, – быстро вымолвила она и устремилась к дверям, намереваясь скрыться с глаз молодых людей.

Едва влетев в ярко освещенную парадную, Софья тут же наткнулась на камердинера.

– Ох, барышня! – обратился к ней слуга, одетый в богатую темную ливрею. – Елена Дмитриевна уже дважды спрашивала про вас. Уж больно сердилась, что вы все еще не вернулись.

– Не волнуйся, Прокопий, я сейчас поднимусь к ней, – ответила она, отдавая простой темный плащ дворецкому и направляясь по лестнице вверх.

Девушка, проворно перепрыгивая через ступеньки и высоко приподнимая темную юбку из грубого сукна, взлетела на второй этаж и устремилась к спальне Елены. В коридоре было довольно темно, оттого Софья невольно вздрогнула, когда перед ней из мрака неожиданно появилась грузная фигура графа Бутурлина.

– Софья Николаевна, драгоценная моя! – высокопарно заметил граф, и его маленькие темные глаза быстро пробежались по изящной фигурке девушки.

Софья испуганно замерла и вежливо вымолвила:

– Дмитрий Егорович, добрый вечер.

С почтением склонив голову, она попыталась обойти Бутурлина, но граф встал у нее на пути и придвинулся ближе.

– Куда вы так бежите?

– К Елене Дмитриевне спешила. Она, наверное, заждалась меня.

Он вдруг поднял руку и, едва касаясь, провел пальцами по влажным от дождя волосам девушки.

– Вы выходили из дому в такой поздний час? – удивился он.

– Я носила письмо по поручению Елены Дмитриевны.

– И куда же?

– К модистке, – тут же придумала Софья верный ответ.

– Вы, моя дорогая, совсем не бережете себя, – произнес Бутурлин как-то чересчур ласково.

Девушка напряглась, ибо граф начал говорить с ней этим своим вкрадчивым тоном. Она прекрасно знала, что теперь он вновь будет намекать ей на всякие непристойности. Бутурлину было сорок шесть лет. Некогда приятная наружность его теперь была испорчена грузным брюшком, лишним весом и обрюзглостью лица.

– Простите, мне надо идти, – пролепетала Софья и вновь попыталась обойти графа.

Но рука Бутурлина немедленно обхватила локоть девушки, и он, склонившись к ее лицу, зазывно произнес:

– Вы все время бежите куда-то, а мне бы так хотелось, чтобы вы хоть немного побыли рядом.

– Я, – замялась Софья, напрягшись всем телом.

– Вы так хороши, моя дорогая, что у меня просто нет слов, – продолжал граф свою слащавую соблазняющую речь.

– Извините, мне правда надо идти, Дмитрий Егорович. Елена Дмитриевна будет сердиться, – нервно заметила Софья, пытаясь осторожно высвободить локоть из его цепких пальцев.

– Вы зря так себя ведете, Софья Николаевна, – уже недовольно произнес Бутурлин. – Разве забыли, что обязаны мне всем? И только из-за вас я смиловился над вашим отцом.

– Я помню об этом, – пролепетала девушка несчастно, отводя взор от неприятного лица графа с полными губами, и желая только одного – немедленно убежать.

– Видимо, недостаточно хорошо помните, – уже зло добавил он. – Вы должны понимать, что за все милости в этой жизни надо платить.

Софья поджала губы и опустила глаза в пол. Она боялась вызвать недовольство графа и оттого не двигалась с места, но ее существо просто кричало от неистового желания немедленно сбежать от этого неприятного человека. В следующий миг Бутурлин наклонился к ее волосам, и его слюнявые губы, почти касаясь ее виска, вымолвили:

– Вы должны быть со мной немного ласковее, Софья Николаевна. В противном случае я могу рассердиться, а вы ведь не хотите, чтобы я сердился на вас, так?

– Нет, – пролепетала девушка, понимая, что если разозлит Бутурлина, то он может за долги бросить ее отца в долговую тюрьму. А отец уже и так болен. И в тюрьме долго не протянет. Софья знала, что смерти отца просто не вынесет.

Губы графа уже приникли к ее щеке, и Софья сжалась от омерзения, зажмурив глаза. Она напряглась всем телом, понимая, что должна вытерпеть это. В этот момент справа от них распахнулась дверь и визгливый тонкий голос вымолвил:

– Батюшка? Вы здесь?

Бутурлин тут же выпустил локоть Софьи и отодвинулся от нее. На пороге комнаты появилась девица двадцати лет с бледным лицом и тонкими светлыми волосами. Она недовольно оглядела Софью и отца.

– Ах, Леночка, – тут же воскликнул Бутурлин, оборачиваясь к дочери. – Я как раз шел к тебе, спросить спустишься ли ты к ужину? Мы должны как следует все обсудить по поводу твоего замужества.

– Можно не сегодня, батюшка, я так устала? – быстро ответила Елена.

– Так и быть, доченька, тогда непременно завтра поговорим обо всем, – повелительно заявил Бутурлин.

Метнув последний темный взгляд на Софью, граф медленно направился в сторону своей спальни. Софья почти влетела в комнату за Еленой и с облегчением вздохнула, понимая, что Бутурлина невольно избавила ее от домогательств графа.

Глава II. Елена

Когда Софья закрыла дверь, Елена обернулась к ней и, окатив злым взглядом, прищурилась.

– И где ты шлялась, позволь тебя спросить? – взвизгнула Елена. – Ответ от Шарля принесла?

– Да, Елена Дмитриевна. Месье де Ламазье очень долго писал ответ, – объяснила Софья, вытаскивая письмо из кармана платья и протягивая его девушке.

Быстро распечатав конверт, Елена пробежалась глазами по строкам. Уже через миг она воодушевленно и счастливо подняла лицо вверх и мечтательно произнесла:

– Мой Шарль, он готов бежать со мной...

– Бежать? – удивилась Софья.

Елена обратила взгляд на девушку и нахмурилась. Красота Софьи: ее приятные черты лица, яркая зелень глаз, чувственные губы, персиковый цвет кожи, – последнее время раздражала Бутурлину.

– Вот именно, – желчно заметила Елена. – Через три недели Шарль намерен ехать в Париж, и я отправлюсь с ним.

– А как вы скажете об этом батюшке? – опешила Софья, зная, что Бутурлин никогда не позволит дочери выйти замуж за нищего иностранца-драгуна.

– Я и не буду говорить ему правду, – пожала плечами Елена.

– Но как же вы поедете? Скоро же ваша свадьба с грузинским князем, – пролепетала Софья.

– Этот мерзкий князек, – поморщилась Елена. – Батюшка совсем умом тронулся, раз хочет вложить деньги в конный и винодельный заводы этого грузинского князя. Нашел с кем дела вести, а еще породниться хочет! Эти грузинские дворянчики хуже варваров. Ни манер, ни достоинства.

– Однако князь Асатиани имеет большое влияние в Имеретии, и ваш батюшка жаждет стать полноправным совладельцем всех предприятий князя, так он говорит.

– Я что, не в своем уме, по-твоему? – возмутилась Елена и обратила гневный взгляд на Софью. – Я не допущу, чтобы меня разменивали на какие-то там заводы, только для того чтобы батюшка смог поправить свое материальное положение! Если батюшка так хочет – пусть сам и едет в эти дикие края и выходит замуж за этого нехристя!

– Но имеретинцы, насколько я слышала, православные, как и большинство грузин, – невольно вымолвила Софья.

– И к чему ты это сказала, дура? – зло заметила Елена. – Я Шарля люблю! Просто обожаю, а он меня! И мы хотим быть счастливыми!

– Но Дмитрий Егорович будет очень зол, если вы уедете тайком с месье де Ламазье, – заметила Софья тихо, чуть опуская глаза.

– А откуда он узнает?

– Но как же? – попыталась возразить Софья.

– Да вот так! – выпалила Елена возбужденно. – Я уже все придумала. И как уехать в Париж незамеченной, и как гнев батюшки не вызвать.

– Да?

– Батюшка-то сказал, что не сможет сопровождать меня в эту грузинскую Имеретию сам, ибо вот-вот должен заступить на новую должность, которую ему пожаловал император Александр Павлович. Сейчас батюшке необходимо находиться в столице. Оттого он не увидит – в Грузию я поеду или еще куда. А я отправлюсь с Шарлем в Париж.

– Но ваш батюшка непременно узнает обо всем, и будет сильный скандал, – попыталась образумить Бутурлину Софья.

– Не будет никакого скандала. Поскольку батюшка будет думать, что я уехала к князю в Грузию. Но вместо меня в эту проклятую Имеретию поедет другая девица.

– Другая девица? И кто же она? – удивленно спросила Софья, ощущая, что вся эта история ей не по душе.

– Ты...

– Я? – опешила Софья и испуганно воззрилась на графиню.

– Да. Вот смотри, как я всё замечательно придумала, – начала Елена и уже тише добавила: – Из усадьбы мы с тобой уедем вместе. Отец сказал, что даст мне в сопровождение роту гвардейцев, человек десять-двенадцать. Правда, ещё поверенный батюшки поедет, но на его счет я тоже все придумала, чтобы он молчал, дам ему денег. Едва покинем Петербург, мы разделимся. Я уеду с Шарлем, он будет ждать меня в одной из придорожных гостиниц. А ты отправишься дальше. Возьмем с собой только одну сенную девку, она с тобой и останется дальше, как горничная. Она будет обо всем молчать, я уже ей приказала. Гвардейцы меня в лицо не знают, потому ты сразу же будешь называться моим именем, чтобы никто ничего не заподозрил. Приедешь в Грузию, выйдешь замуж под именем графини Бутурлиной, отец все нужные бумаги для венчания подготовит заранее. И всё. Через полгода или чуть раньше мы с тобой встретимся. Шарль написал, что за это время он сможет всё разрешить с наследством во Франции. А если раньше всё устроится, я отправлю тебе письмо. Ты разругаешься с князем и уедешь обратно в Россию. В Петербург мы вернёмся вместе. Я брошусь в ноги к батюшке и расскажу, как страдала в этой дикой Грузии. Представлю моего Шарля, ведь он к тому времени будет богат, уже получив наследство. Батюшка будет милостив и непременно даст согласие на наше венчание с Шарлем. А потом выпросит у императора развод с этим грузинским князьком и всё.

Софья с ужасом смотрела на Елену и ощущала, что вся эта затея с подставной невестой очень опасна. Если обман раскроется, им точно будет несдобровать. Может, Елену и не тронут, но ее, Софью, точно упекут в тюрьму за подлог. Если еще раньше за враньё не убьют в этой опасной Грузии, нравы там, насколько она знала, были жестокими и дикими.

– Я не буду врать всем, что я графиня. Это гнусно и не по совести, – нахмурившись, сказала Софья, не собираясь безропотно соглашаться на эту жуткую затею.

– Заткнись! – вспылила графиня, вскочив на ноги, отвесила Софье увесистую пощечину и процедила: – Мне наплевать на эти твои совести и понятия о чести. Опять строишь из себя благородную девицу? Ты моя горничная, нищая и вся в долгах! Потому будешь делать то, что я тебе велю, поняла?

Сглотнув горечь, Софья схватилась за горящую от пощечины щеку, пытаясь сдержаться. Ее положение было слишком зависимым от этих влиятельных людей, она это понимала.

– Но я не хочу ехать в Грузию. Это же край света, – пролепетала Софья горько, ища новый предлог, чтобы только не участвовать в этом гнусном фарсе. – Имеретию лишь недавно официально присоединили к нашей империи. О тех краях ходят жуткие страшные слухи. Что там убивают и режут людей прямо на дорогах. Я боюсь, барышня, – добавила с дрожью в голосе Софья.

– Чушь! Я велю тебе ехать! Иначе я рассержусь, и тебе точно не поздоровится! – взвизгнула Елена.

– Нет, я не могу, – вновь попыталась возразить Софья.

– Еще как можешь! – взорвалась уже Бутурлина. – И не смей мне перечить! Ты поедешь вместо меня, и точка!

– Нет, – тихо, но твердо сказала Софья.

– В таком случае я сегодня же поговорю с батюшкой, и он завтра же кинет твоего ничемного отца в долговую тюрьму! – с угрозой заявила юная графиня. – А он это может сделать, и ты это знаешь!

– Елена Дмитриевна, смилуйтесь! – прошептала Софья, и на ее глазах заблестели слезы. – Я не могу туда ехать вместо вас, к тому же я боюсь! А если меня там убьют?

– Да кому ты нужна? Я же сказала, охранять и сопровождать тебя будет дюжина гвардейцев. На границе с Грузией, по словам батюшки, тебя встретят люди князя. За мою безопасность князь Асатиани лично ручается, так он написал в письме. Потому собирайся, через две недели поедem. Я не собираюсь из-за твоих страхов и глупой чести отказываться от своего счастья с Шарлем!

– Но, Елена Дмитриевна, – вновь попыталась возразить Софья, нервно сжимая кисти рук в отчаянии.

– Все, прекрати это нытье! – процедила Елена. – Даже слушать не желаю. И только попробуй еще сказать хоть слово. Я вмиг тебя и твоего брата выгоню на улицу! Ты и так уже надоела мне своими изысканными манерами! Слово это ты госпожа, а не я. А ты всего лишь прислуга в этом доме! Поняла?!

Софья несчастно поджала губы. Елена важно направилась к шкафу с одеждой и, раскрыв его, начала перебирать платья.

– Перешьем на тебя пару моих старых нарядов, из которых я уже выросла. Тебе, худой, как раз в пору будет. И никто даже не заметит подлога. Гвардейцы, нанятые моим отцом, все равно не знают меня, а князь и подавно.

По щеке Софьи покати́лась слеза, и она промямлила:

– А как я должна вести себя с этим князем?

– Как, как? Конечно, как жена. Сначала будет помолвка, потом вы обвенчаетесь. Батюшка так и сказал.

– И что же, я должна буду с ним... – Софья замялась, боясь произнести непристойную фразу до конца.

Елена резко обернулась и как-то зло посмотрела на девушку.

– А что, с тебя убудет, что ли? Ничего, переживешь, – желчно вымолвила Елена. – Ты служишь мне! И что я велю – то ты и должна исполнять!

– Но барышня, как же я могу? – несчастно заметила Софья. – Ведь я никогда не...

Софья замялась, на эту тему ей было стыдно говорить. Хотя Софье исполнилось девятнадцать лет пару месяцев назад, но она до сих пор была девственна, потому что матушка ее учила, что приличная девица должна хранить себя до свадьбы. И она старалась исполнить завет покойной матери. Ведь матушка всегда говорила, что опороченную девицу никто не возьмет замуж, а Софья очень хотела замуж и непременно стать хорошей женой и матерью. Такой же, как и ее матушка.

Елена вмиг округлила глаза и вымолвила:

– Неужели ты еще ни разу под мужиком не была?

Гнусная похабная фраза, которая вырвалась из уст графини, тут же вызвала у Софьи нервную дрожь. Не в силах ответить на этот вопрос, она только отрицательно помотала головой, испуганно смотря на Елену.

– Ну и дура! – воскликнула Бутурлина. – Я в свои пятнадцать лет с Орловым девственность потеряла. Так я скажу тебе одно: только этим девица и может привлечь к себе мужчину. Если ты с мужиком не балуешься, как же он поймет, что ты любишь его?

– Но я не думаю, что до свадьбы можно, – начала тихо Софья.

– Глупости все это! – возмутилась графиня. – Так что ты давай не кобенься там! Как повенчаешься, так с князем и в постель! Поняла? Еще испортишь все. Вдруг этот князек недо-

волен будет? И раньше времени решит расторгнуть ваш брак! И мы с Шарлем не успеем еще наследство получить.

– Елена Дмитриевна, не смогу я так, – попыталась вновь Софья. – Как же без любви, без действительного венчания, как же я смогу?

– Сможешь! А если нет, так можешь более не возвращаться! Но запомни, я вмиг выгоню твоего братца на улицу, а твой отец сгниет в тюрьме!

– Нет, прошу вас, барышня, – испуганно произнесла Софья.

– Хватит! – уже взорвалась Елена. – Потерпеть-то тебе только полгода, а истерику развела, словно я тебя на каторгу посылаю!

Графиня указала на три платья в шкафу и приказала:

– Вот эти три завтра отнесешь Параскеве и велишь ей выправить платья под себя.

– Слушаюсь.

Облегченно вздохнув, Елена подошла к трюмо и уселась на мягкую бархатную табуретку. Бутурлина начала перебирать свои распущенные волосы, стараясь не замечать, как по лицу Софьи, которая тихо стояла чуть в стороне, текут молчаливые слезы. Через миг графиня холодно спросила:

– И долго ты будешь слезы лить? Немедля причеши меня, мне в оперу пора ехать!

– Слушаюсь, барышня, – кивнула Софья и, подойдя к Елене, взяла в руки щетку для волос.

Она начала осторожно расчесывать жидкие светлые волосы Бутурлиной, стараясь не дергать локоны графини, зная, что за неловкость Елена может разгневаться. Не прошло и минуты, как Бутурлина жеманно заметила:

– Этот Григорченков полный невежа! Сейчас мне Ефим доложил, что он тепереча приходил к моему отцу, чтобы меня в жены просить. Он что же думает, что я для него? Ну, танцевала с ним полонез на последнем балу, и что ж? Сразу свататься? Притащился теперь в наш дом, да еще и со сватами! А сам-то до того скучен и обычен, что прям жуть как противен мне. И вообще, он слишком правильный. Нет, не пара он мне. Вот его сват Иван Аксаков красавец, балагур, и нрав у него такой заводной веселый.

– Барышня, господин Григорченков достойный и порядочный молодой дворянин, и родители его весьма богатые и уважаемые люди при дворе. Он мог бы стать вам хорошим мужем, – произнесла тихо Софья, смотря в зеркало на отражение лица графини.

Григорченков был одним из двух молодых людей, которых Софья встретила на лестнице вместе с Аксаковым чуть ранее. Она пыталась намекнуть Елене, что здесь, в России, есть достойные молодые люди, заслуживающие внимания, и ее Шарль по сравнению с ними был лишь ободраным наглым французом, умеющим только красиво говорить.

– Как ты смеешь мне указывать, нахалка?! – взвилась Елена и, резко обернувшись, вновь влепила Софье пощечину.

– Простите, барышня, – прошептала Софья, глотая от унижения горький комок в горле и понимая, что сказала лишнее.

– Ты смотри у меня, знай свое место! – зло добавила Бутурлина. – Я терплю тебя только оттого, что дворовые девки до того тупые и ленивые, что ничего не умеют, даже причесать как следует не могут. Потому ты пока при мне, но это лишь из милости, не забывай. Я ведь могу рассердиться и выгнать тебя на улицу! Пойдешь милостыню просить.

– Простите, барышня, не подумала, что говорю, – начала оправдываться Софья.

– Вот то-то же! Впредь думай! – наставительно вымолвила Елена и велела: – Эту прядь оставь, она красиво на плече смотрится.

– Слушаюсь, барышня, – покорно ответила Софья, умело закрепляя прядь тонкими шпильками на голове Бутурлиной.

Глава III. Мечты

Спустя полчаса Софья вышла из спальни графини, осторожно прикрыв за собой дверь, оставив уже наряженную Елену одну. С облегчением выдохнув, она радовалась тому, что Бутурлина отпустила ее, ибо за последние полчаса хозяйка просто извела ее своими придирками и грубыми обидными словами. Софья понимала, отчего злилась на нее графиня, ведь она посмела пререкаться с Еленой насчет грузинского князя, а затем начала защищать Григорченкова.

Девушка направилась в свою комнатку в дальнем конце коридора, когда ей навстречу попался Федот, один из многочисленных лакеев, которые служили в особняке Бутурлиных. Парень держал в руках огромную корзину с прекрасными белыми пионами.

– Елена Дмитриевна теперь в оперу собирается, Федот, – сказала приветливо Софья, обращаясь к слуге. – Да и не в духе она. Лучше попозже занеси цветы.

– Но эти цветы принесли для вас, Софья Николаевна, – вдруг заявил слуга.

Софья так опешила, что даже замолчала на миг.

– Для меня? – удивленно спросила она.

– Да. Так на карточке написано, – кивнул Федот, довольно ухмыляясь. – Только что принесли. Я как раз в вашу комнату их нес.

– Не может того быть, наверняка посыльный ошибся, – не веря, прошептала Софья.

Она проворно вытянула торчащую белую карточку, на которой было написано ее полное имя, отчество и фамилия.

– Отчего же не может? – спросил Федот. – Вот цветы, и они для вас, Софья Николаевна, – глухо добавил слуга, не спуская с девушки пристального взгляда. – Если бы я был богат, тоже подарил бы вам такую корзину, уже больно вы заслуживаете ее.

– Не надо об этом снова, Федот, прошу, – произнесла устало Софья и, взяв корзину из рук парня, быстро обошла его и поспешила в свою комнату, пока более никто не увидел этих цветов.

Федот проводил девушку тоскливым взглядом и поплелся в парадную.

Стремительно достигнув своей комнатки в конце коридора, девушка закрыла дверь и осторожно поставила корзину на пол. Оглядевшись, она не заметила брата и поняла, что он, как обычно, на кухне с Агриппиной Ивановной. Кухарка Бутурлиных Ариппина, женщина в возрасте, еще полгода назад, едва Софья с Ильюшей переехали в дом Бутурлиных, взяла маленького девятилетнего Илью под свою опеку. Кухарка приглядывала за мальчиком, кормила его и всячески оберегала, пока Софья исполняла свои обязанности горничной при графине. Ильюша, рано лишившись матери, с любовью отвечал Агриппине Ивановне на ее заботу и ласку.

Устало опустившись на колени перед прекрасной корзиной с белыми пионами, Софья достала из зелени цветов красивый запечатанный конверт. Проворно раскрыв его, она нетерпеливо вытянула письмо, написанное красивым почерком на голубой бумаге.

«Многоуважаемая Софья Николаевна, если Вам угодно, Вы можете не помнить меня. Это обстоятельство весьма опечалило меня сегодня.

Однако я прекрасно помню Вас. На том балу, два года назад в Зимнем, Вы были столь прелестны, что я почти влюбился в Вас...

Тогда Вы так неожиданно исчезли. Отчего? И сегодня такая неожиданная встреча, после стольких лет. Вы стали еще прекраснее, чем я помнил... Прошу Вас о милости: дозвольте мне хоть иногда видеть Вас.

Прошу, отпишите мне письмом о своем решении, мой адрес ул.Л., дом 32.

С глубоким почтением к Вам, Иван Федорович Аксаков»

На миг Софье показалось, что ее жизнь наполняется счастьем. Эти цветы и неожиданное признание молодого дворянина, которого она знавала два года назад в дни начала своей юности, вызвали в ее душе светлое радостное чувство упоения. Девушка нежно улыбнулась, осторожно проводя кончиками пальцев по лепесткам белых цветов. Однако в следующий миг ее взгляд упал на облезлую стену, у которой стояла ее узкая кровать, и счастливое выражение исчезло ее лица.

Когда-то давно она была так же богата и счастлива, как теперь Елена. Она так же могла ездить в красивом экипаже, вместе с покойной матушкой делая визиты родственникам и знакомым их семьи, так же могла одеваться в прелестные дорогие платья, и у нее была своя горничная. Но это все было до того. До того момента, когда ее безмятежная привычная жизнь изменилась до неузнаваемости. Сначала два года назад умерла ее мать, а затем батюшка начал пить.

Теперь Софья и ее младший брат оказались в бедственном положении. Замятин, проиграв в карты все их состояние, обитал в казенной комнате при заводе, беспробудно пьянствовал и совсем не интересовался судьбой своих детей. Теперь они с братом жили в большом особняке Бутурлиных и имели кров над головой. Ильюша почти весь день проводил на кухне, подле ласковой доброй кухарки и лишь под ночь возвращался спать в их с Софьей комнатку. Да, они с Илюшей не нуждались в еде, ибо на господской кухне всегда находилась для них пища, но их теперешнее положение в обществе не сильно отличалось от положения окружающих их крепостных. Лишь личная свобода и дворянское имя отличали их от простых слуг Бутурлиных.

Нрав Елены, которой уже стукнул двадцать один год, был вредным и спесивым. Балованная, богатая, не знающая ни в чем отказа, Бутурлина вела себя, как ей вздумается. Она могла ни за что отвесить Софье пощечину, если была недовольна ею. Или оскорбить ее лишь за то, что тот или иной локон в прическе был уложен не так, считая это нормой поведения со своей горничной, которая была ниже ее по статусу. Елена выглядела довольно взросло для своих лет и имела дородную фигуру с большой грудью и покатыми женственными бедрами. Уже в пятнадцать к богатой графине Бутурлиной начали свататься женихи. Но никто не удовлетворял взыскательного вкуса Елены, и она все выбирала. И теперь ее сердце обратилось к бедному французскому дворянину, который служил в России при посольстве.

Софья вновь посмотрела на прелестные цветы и горестно вздохнула.

Она медленно встала и подошла к небольшому зеркалу, висевшему на темной стене. Отражение показало ей юный девичий облик: бледное от недавних слез лицо, золотисто-рыжеватые пряди русых волос, собранные в тугий узел, печальные зеленые глаза с темными ресницами и верх изящных плеч. Софья горестно вздохнула, вспоминая слова покойной матушки о том, что она, Софья, очень мила и у нее не будет отбоя от женихов. Действительно, в этот миг девушка казалась себе довольно привлекательной, но что было толку ей теперь в красоте? Теперь эти прелести лишь вредили ей. Она чувствовала, что Елена завидует ее внешности, ибо графиня не раз озвучивала свое недовольство вслух, а стареющий Бутурлин, также, видимо, находя Софью весьма привлекательной, не давал ей проходу, постоянно намекая на свое расположение. Все последние месяцы Бутурлин – увещеваниями, а пророй и угрозами – склонял Софью к позорной связи, но девушка всеми силами сопротивлялась этому и не знала, как дальше вести себя с графом, боясь, что при категоричном отказе Дмитрий Егорович выгонит ее с братом на улицу.

Ивана Аксакова же Софья повстречала в то счастливое время, когда еще жила богато и праздно. Тогда, в свой первый выход в свет, на балу в Зимнем, юная прелестная Софья Замятина произвела фурор. И Аксаков стал одним из ее поклонников в тот же вечер. Софья еще

долго вспоминала тот счастливый единственный бал, на котором ей удалось побывать. Теперь же она не могла, как раньше, встречаться с молодыми людьми на балах и светских раутах, не могла ответить взаимностью Аксакову, хотя сегодняшняя нечаянная встреча с ним и его цветы всколыхнули нежные чувства в душе девушки. В этом была трагедия Софьи. Теперь она служила горничной, и Иван был явно не для нее. В теперешнем плачевном положении ей более подходил Федот. Но он был примитивным, грубым и недалеким. Она же имела прекрасное воспитание, образование, тонкий вкус и манеры девицы высшего общества. И все это вкуче делало ее судьбу трагичной и несчастной. Аксакова она была недостойна, а Федот был не пара ей.

Сегодня же судьба послала ей еще одно испытание. Она должна была по приказу графини сделать подлость, выдать себя за другого человека. Но вся душа и совесть девушки противились этому. Неожиданно у Софьи возникла дикая мысль – немедленно идти к отцу и попытаться уговорить его бежать из Петербурга, чтобы не исполнять приказ Елены. Но спустя минуту эта мысль была отвергнута ее сознанием. Для поездки нужны деньги, а их не было, даже на еду. К тому же по настоящим паспортам их легко бы обнаружили и возвратили в Петербург. К всему прочему батюшка Софьи из-за долгов не имел права выезжать за пределы губернии. В противном случае его могли арестовать и посадить в тюрьму.

Медленно отойдя от зеркала, Софья упала животом на узкую кровать и тоскливым взором уставилась на великолепную благоухающую корзину. Она трагично смотрела на белые цветы и с каждым мигом все сильнее осознавала, что ее жизнь кончена, и уже никогда она не будет счастлива, как раньше. Теперь у нее не было возможности ответить взаимностью Аксакову. Она прекрасно знала, что молодой поручик никогда не женится на ней, нищей дворянке, у которой за душой ничего не было, кроме старого отца, долгов и малолетнего брата. В этот миг Софья отчетливо поняла, что теперь у нее одна дорога – на юг империи. В неизведанную далекую Имеретию. В край дикий и опасный. В край, где она должна выжить, чтобы потом вернуться сюда, на родину к отцу и брату...

Российская империя, Восточная Грузия,
местность Рача, 1815 год, Май, 3

Они были в пути уже третью неделю.

Еще в начале апреля Софья вместе с Еленой и ее сенной девушкой Аленой выехали из Петербурга. С ними также следовал верхом поверенный графа Бутурлина, который должен был присутствовать на свадьбе и следить за подписанием и верным оформлением бумаг на венчание.

Как и планировалось Бутурлиной, Софья облачилась в одно из старых платьев графини и укрылась под простым дорожным плащом. Граф ничего подозрительного не заметил, со слезами на глазах попрощался с дочерью и просил Елену непременно писать ему о своем путешествии. Та послушно кивнула, зная, что у Софьи припрятаны несколько десятков писем. Для успокоения Дмитрия Егоровича Софье было приказано отправлять эти письма, написанные рукой Елены, в Петербург во весь период следования и по приезде в Грузию.

На одном из постоянных дворов, в пригороде Новгорода, как и было условлено, карета ненадолго остановилась. Здесь уже дожидался Бутурлину Шарль де Ламазье. Поверенному отца Елена заплатила кучу денег за молчание о том, кем на самом деле является Софья, и тот согласился молчать, а позже вернуться в Россию за оставшейся частью денег, обещанных ему графиней и оставленных у специального человека. Поверенный намеревался с деньгами уехать в другой город, еще до того как начнется дело о разводе Бутурлиной и Асатиани.

Под цензорским взором Елены Софья и приставленная к ней горничная Алена отправились дальше в карете графа с эскортом из десяти солдат, которых нанял Бутурлин для безопас-

ного путешествия дочери до грузинской границы. Поверенный также поехал с ними верхом. Елена и Софья умело сыграли свои роли, и сопровождавшие их верхами офицер с солдатами даже не догадались, кто истинная графиня Бутурлина. Елена выдала себя за двоюродную племянницу графа, которую на постоялом дворе уже ожидал жених. Поэтому при расставании в условленном месте у конвоирующего капитана не возникло никаких вопросов. На прощание графиня приказала Софье и крепостной Алене и далее хорошо исполнять свои роли и пригрозила, что девушки жестоко пожалеют, если хотя бы одна из них проболтается.

Следующие долгие недели пути Софья и Алена очень сдружились. Они делились друг с другом своими печальными мыслями по поводу того, что их ждет в далекой дикой стране, в которую они следовали через всю бескрайнюю Россию. Иногда они даже плакали на плече друг у друга, понимая, что другого пути нет, и они вынуждены следовать дальше. Ежедневно их экипаж в сопровождении роты солдат и капитана останавливался на ночлег в придорожных станциях, а наутро, меняя лошадей, следовал дальше. Ответственными за выбор дальнейшей дороги были два кучера, которые, сменяя друг друга, указывали нужное направление пути.

И вот теперь, в начале мая месяца, девушки наконец-то достигли конца своего долгого изнуряющего пути. Через окна кареты они с интересом рассматривали быстро меняющийся пейзаж, так не похожий на привычные им петербургские поля и леса. Здесь, на юге империи, в грузинском крае уже властвовала жаркая влажная весна, и Софья и Алена ехали в карете с растворенными окнами, наслаждаясь свежим теплым воздухом. С удивлением рассматривали они высокие горы, покрытые зелеными лесами, бескрайние долины и узкие ущелья, по которым проезжали, аулы и села с местным колоритным населением, так отличающимся от крестьян средней полосы России.

Два дня назад они выехали из Владикавказа, где недолго жили у коменданта русской крепости. Именно оттуда, как и было велено Бутурлиным еще дома, Софья отписала князю Асатиани, и письмо было передано через посыльного. Через три дня от князя пришел ответ, что его люди будут ожидать госпожу Бутурлину на Мельхеском перевале на развилке дорог в десяти верстах от селения Шови, у местечка Зварети.

Измученные бесконечной дорогой девушки едва могли сидеть на твердых сиденьях кареты. Вчера днем они пересекли границу бывшего Грузинского царства и остановились на ночлег в большом селении Шови в особняке одного из местных грузинских дворян. Именно это посоветовал Бутурлину в письме старый князь Леван Тамазович Асатиани. Князь Леван, влиятельный тавади Имеретии, был отцом молодого князя Серго Асатиани – будущего жениха графини Елены.

Сегодня девушки и их охрана выехали рано поутру, направляясь к месту встречи с людьми князя Левана, которые ожидали их в условленном месте. На протяжении уже пяти верст дюжина вооруженных всадников ни на шаг не отставала от кареты, а их капитан, старый вояка лет пятидесяти, зорко глядел по сторонам, опасаясь нападения диких горцев, про которых был наслышан от коменданта Владикавказа.

Местечка Зварети их обоз должен был достигнуть еще к девяти часам утра третьего мая, именно так было условлено. Но местный проводник, который вызвался провезти их наиболее безопасной дорогой до нужного места, сказал, что наилучший путь чуть длиннее и займет немного больше времени. Опасаясь этих диких мест, капитан Толкунов решил все же следовать советам проводника, даже несмотря на то, что мог опоздать к месту встречи, главное, чего хотел офицер, – добраться живыми до места встречи с отрядом князя Асатиани.

В те времена Грузия представляла собой раздробленное государство, раздираемое междоусобными клановыми войнами. Часть бывших царств на ее территории, таких, как Картли-Кახетинское царство и Имеретия выразили желание жить под протекторатом России еще в прошлом веке, теперь были номинально присоединены к Российской империи и управлялись из Тифлиса русским главнокомандующим. Однако среди народностей Кавказа были и такие, кото-

рые не жаждали находиться под властью империи. Например, горные области Сванети и равнинная Мегрелия, не желающие существовать под игом России, постоянно совершали набеги на русские царские войска, посылаемые в Грузию для их усмирения и покорения. Удельные местные грузинские князья также погрязли в войнах между собой за угоды и земли, постоянно совершая вылазки в соседние вотчины. Все эти обстоятельства весьма осложняли быт и делали довольно опасной жизнь на бескрайних горных и равнинных землях Грузии, которая в начале девятнадцатого века так и оставалась до конца не покоренной и дикой.

Глава IV. Нападение

Выстрелы раздались неожиданно.

Софья, которая едва задремала, испуганно подскочила на сиденье. Карета начала ускорять ход, и девушки вынуждены были схватиться за подлокотники, чтобы не упасть от сильной тряски.

– Что это? – воскликнула Софья испуганно.

Отовсюду слышались беспорядочные крики и нарастающие выстрелы. Она выглянула в открытое окно в тот момент, когда мимо пронеслись вперед несколько всадников из их охраны.

– Горцы! Горцы! – слышались крики во всех сторон. Она увидела, что их солдаты пытаются стрелять на ходу. Раздался гневный громкий возглас их капитана: – Стреляйте же!

Чуть выставив голову в открытое окно, Софья оглянулась назад и увидела незнакомых всадников в темно-серой пыльной одежде, которые приближались к ним сзади и находились совсем близко, настигая их. Одна из пуль просвистела рядом с ней, попав в выступающую часть кареты. Испугавшись, Софья мгновенно отпрянула обратно в карету, опасаясь, что ее застрелят. Ее начал охватывать леденящий страх, и она затравленно смотрела в окно, а в ее голове вихрем носились кровавые жуткие мысли. Оттого, когда перед окном неожиданно появился капитан Толкунов, ее сердце на миг замерло.

– Горцы, барышня! – быстро прокричал офицер. – Попробуем укрыться в лесу, что впереди. Это наша единственная возможность отбиться!

Он исчез, стремительно усакав назад, а девушки испуганно переглянулись. Карета еще прибавила ходу и уже летела по дороге с бешеной скоростью. Град выстрелов и дикие улюлюкающие крики слышались со всех сторон. Не выдержав напряжения и неизвестности, Софья вновь осторожно высунулась в окно и оглянулась назад. Она отметила почти две дюжины нападающих всадников в черных мохнатых шапках на головах, которые почти уже нагнали их. В следующий миг она увидела, как Толкунов, который скакал позади кареты, напрягся всем телом и резко рухнул с коня, пораженный метким выстрелом в голову. Софья дико вскрикнула, прижав ко рту ладонь, и инстинктивно отшатнулась в глубь кареты.

– Лучше не смотреть, – прошептала она, не спуская испуганного взгляда со служанки.

– Мне страшно, барышня! – воскликнула Алена.

– Господи, помоги нам, – пролепетала Софья, стараясь окончательно не запаниковать от диких воплей, криков и пальбы, которые слышались отовсюду.

На очередном ухабе карета, которая неистово неслась, сильно подпрыгнула, и девушки ударились головами о потолок. Они ехали в бешеном темпе еще некоторое время, но неожиданно выстрелы смолкли. Алена вдруг затравленно посмотрела на Софью и выпалила:

– Неужели отбились? Я посмотрю! – воскликнула она и высунулась в другое окно, желая понять, что происходит.

В следующий миг мимо окна пронесся темный всадник. Служанка глухо вскрикнула и резко откинулась назад. Софья в ужасе похолодела, увидев, как Алена хрипит и оседает на пол, схватившись руками за окровавленное горло.

– Алена! – вскрикнула иступлено Софья, невольно удержав девушку за плечи, и уже через миг увидела, как служанка закатила глаза и испустила дух.

Кровь так и хлестала из раны на горле несчастной, разливаясь на ее платье. Сжавшись от ужаса, Софья осторожно оперла мертвую девушку на сиденье. Карета вновь сильно подпрыгнула на ухабе, и снова началась сильная стрельба. Невольно обратив взор в окно и более не дерзая высовываться, Софья увидела, как с обеих сторон вперед пронеслись несколько всадников в темных одеждах. В каком-то безумном оцепенении девушка хваталась руками за стенки кареты, пытаясь удержаться на месте и не свалиться на пол бешено несущегося экипажа. Она

не отрывала ненормального взгляда от мертвой Алены, ибо еще никогда не видела так близко убитых. Мозг девушки отказывался принимать тот факт, что минуту назад служанка еще говорила с ней, а теперь она мертва.

Вдруг карета сильно подпрыгнула на ухабе, а потом резко накренилась вбок. Софья попыталась схватиться окровавленными руками за сиденье, чтобы удержаться, но в следующий миг карета резко перевернулась, и девушка, дико закричав, полетела вниз. Сильно ударившись головой о подлокотник, она потеряла сознание.

Когда она пришла в себя, стрельба уже стихла, а карета не двигалась. Распахнув глаза, Софья невольно уставилась напряженным взором вверх, пытаясь осознать, что происходит. Над ней нависала покачивающаяся открытая дверца кареты, а в проеме виднелось голубое небо и сияло яркое солнце, ослепляя ее. Она лежала в неестественном положении, а ее правая нога сильно ныла. Судорожно сглотнув, Софья ощутила, как на нее давит нечто тяжелое. Опустив взгляд чуть ниже, девушка увидела на своей груди мертвое лицо Алены, которая, видимо, при падении кареты упала на нее. Судорожно выдохнув, Софья отодвинула мертвую служанку в бок и смогла вытащить ноги, которые были зажаты под сиденьем. Ей удалось сесть, а слух невольно отметил топот многочисленных лошадей и неразборчивые мужские крики где-то поблизости. Девушка откинула назад непокорные длинные пряди волос, которые выпали из прически, и моргнула несколько раз, пытаясь окончательно прийти в себя и понять, что ей делать дальше.

Именно в эту минуту солнечный свет исчез, и она невольно обратила лицо вверх, на болтающуюся над ней дверь. Темный крупный силуэт мужчины закрыл почти весь дверной проем. Понимая, что это один из диких горцев, которые напали на них, Софья глухо выдохнула по-русски:

– Вы зря напали на нас, у меня нет ничего ценного.

Мужчина молчал и словно окаменел. Софья, жмурясь от ярких лучей солнца, которые все же проникали внутрь, ослепляя ее, судорожно сглотнула. Незнакомец находился против света, и девушка видела лишь очертания его мощного торса и высокой мохнатой шапки и никак не могла разглядеть лица. Она осознавала, что разбойник рассматривает ее и отчего-то медлит. Она замерла, отчетливо ощущая животный страх, и думая, что теперь он, возможно, убьет и ее. Горец так и не двигался, и Софья уже нервно воскликнула:

– Вы не понимаете по-русски?

Мужчина словно очнулся, и его голова чуть повернулась.

– Вы ошибаетесь, госпожа Бутурлина, мы не разбойники, – глухо произнес он на русском с небольшим акцентом. – Мы только что отбили вас у горных сванов. Давайте руку.

Он протянул ей ладонь, и Софья окончательно опешила, не понимая, друг он или враг.

Видя, что девушка, видимо, от шока не понимает, что он ей сказал, Амир быстро наклонился сильнее внутрь. Проворно отбросив в сторону тело мертвой женщины в русском сарафане, мужчина обхватил светлоглазую девицу за плечи сильной рукой и стремительным движением потянул вверх. Она оказалась почти невесомой. Уже через миг Амир перехватил ее за талию, чтобы было удобнее и, достав девушку из дверцы опрокинутого экипажа, посадил наверху.

Дрожа от озноба, Софья не поняла, как оказалась сидящей сверху перевернутой кареты. Взор девушки тут же отметил около дюжины горцев в темных одеждах, которые перемещались на своих конях вокруг кареты. Все они были одеты в черные простые легкие черкески с патронами на груди, длинные мягкие сапоги, а на головах у них были повязаны темные платки. Еще двое горцев, спешившись, осматривали сопровождавших ее солдат в зеленых мундирах, трупы которых лежали неподалеку. Софья увидела на земле и других мертвых мужчин, одетых по-местному, которые, видимо, являлись теми сванами, про которых сказал незнакомец. Нахмурившись и вмиг сложив в голове логическую цепочку, она поняла, что этот отряд всадников

в черных черкесках перебил напавших на экипаж горцев, которые до этого перестреляли русских солдат.

Не успела девушка опомниться, как мужчина, который вытащил ее из перевернутой кареты, прыгнул вниз и без предисловий, словно куклу, быстро спустил ее на землю. Только теперь Софья невольно обратила взор на этого незнакомца, который теперь стоял в трех шагах от нее. Это был мужчина лет тридцати, с загорелым суровым обветренным лицом и цепким властным взором светлых глаз. Его подбородок покрывала короткая темная борода, а на голове красовалась мохнатая черная шапка, ворс которой полностью скрывал его волосы и лоб. Выше среднего роста, широкоплечий, с длинными ногами, сильным торсом и гордой посадкой головы, он показался Софье бесстрашным и опасным одновременно. Он, как и другие всадники, был одет в черную легкую черкеску, едва скрывающую его колени и верх длинных сапог из мягкой кожи. На его поясе, вышитом серебряной нитью, красовался длинный кинжал и сабля. За спиной виднелось длинное дуло ружья, ремни которого были перекинuty через плечо.

Что-то в его облике казалось ей знакомым, но девушка не могла понять что. Нет, Софья никогда в жизни не видела этого мужчину и не понимала, отчего ей так кажется. Она мотнула головой, пытаясь прийти в себя.

Мужчина стоял неподвижно и напряженно изучающе смотрел. Он явно разглядывал ее, как и она его, проводя взором по ее лицу, волосам, стану. Ощущая, как от его поглощающего неприятного взгляда у нее пробежал холодок по спине, девушка смущенно перевела взор в бок. Мужчина тут же вновь очнулся и, приблизившись вплотную, протянул к ней руку. Бесцеремонно приподняв свой ладонью ее подбородок, он начал осматривать его.

– У вас кровь. Вас ранили, госпожа? – спросил он глухим баритоном.

Девушка увидела, что его глаза имеют яркий светлый оттенок. Его рука прошла вниз по шее до плеч девушки, словно ощупывая ее. Софья, опешив от его наглого поведения, тут же попятилась назад и осторожно сбросила его руку, затянутую в кожаную перчатку.

– Нет, это кровь моей горничной. Кто вы? – вымолвила девушка, непонимающе смотря в его лицо и отмечая, что серо-голубой взор мужчины прямо не отлипает от ее лица.

Он тут же нахмурился и, стянув с головы темную шапку, чуть поклонился головой и низким баритоном произнес:

– Простите, госпожа. Мое имя Георгий Петрович Амир Асатиани. Я азнаури князя Асатиани. Мне и моим людям приказано сопроводить вас до усадьбы князя Левана.

– О, это замечательно, сударь, – с облегчением ответила девушка, понимая, что перед ней джигиты князя Левана, которые и должны были их встретить.

– Вы говорите по-грузински?

– К сожалению, нет, – ответила Софья, отмечая, что густая шапка волос на голове мужчины гораздо светлее, чем короткая борода, и имеет темно-русый оттенок.

– Вы поехали не той дорогой, отчего? Мы ждали вас в Зварети, – спросил тоном инквизитора Георгий.

– Наш проводник сказал, что этим путем будет безопаснее, – произнесла Софья, вновь осматриваясь по сторонам.

Она обхватила себя руками от неприятного озноба, который завладел ею сразу же, едва мужчина спустил ее с кареты, и она увидела многочисленные трупы и лужи крови.

– И специально привел вас на эту дорогу, – сделал вывод Асатиани. – Ваш проводник был явно подкуплен сванами.

– Сванами? – переспросила она.

– Да, вольными джигитами, которые напали на вашу карету, – объяснил он.

– Зачем они это сделали? – не удержалась она от вопроса.

– Возможно, они хотели убить вас, – заметил Георгий–Амир и, внимательно посмотрев на одного из убитых джигитов-сванов, лежащего рядом, задумчиво добавил: – Или увезти в горы, чтобы потом требовать выкуп.

– Но как вы поняли, что мы поехали здесь, раз ждали нас в другом месте?

– Чутье, – пожал плечами мужчина. – Я отметил, что ваша карета слишком запаздывает. Ведь в своем письме вы писали о девяти утра. Решил прочесать со своими людьми окрестные дороги. Еще с той невысокой возвышенности мы увидели, как сваны напали на ваш экипаж. И во весь опор устремились к вам на помощь.

К ним приблизился один из джигитов и по-грузински коротко доложил:

– Паша-Амир! Все ее люди перебиты. Лишь двое живы, но они сильно ранены.

– Соберите оружие и лошадей. Одного из коней сванов приготовь для госпожи, – распорядился Амир по-грузински. Джигит отошел от них. Асатиани вновь обернулся к Софье и обратился уже по-русски: – Здесь опасно, надо уезжать. Вы умеете ездить в седле?

– Да, но в женском, – ответила Софья.

– Надо сесть по-мужски, женского седла нет. Поедем быстро, придется привыкнуть.

Девушка поняливо кивнула и через пару минут к ним подвели пегого жеребца. Асатиани забрал у джигита поводья и властно распорядился по-грузински:

– Мы немедленно едем вперед, Даур. Остаешься здесь за старшего, семерых людей оставляю тебе. Уберите здесь все. Возьмите с собой обоих раненых русских и наших убитых. Да, и захватите все бумаги и вещи госпожи и следуйте за нами. Поедем через ущелье. – Джигит поняливо кивнул и отошел от них, что-то громко коротко прокричав остальным. Асатиани перевел взор на девушку, стоящую рядом, и велел: – Садитесь. Придется ехать через ущелье, чтобы сократить путь.

Он без предисловий подхватил Софью за талию и легко забросил на спину животного. Софья едва успела схватиться за луку седла, дабы не упасть. Юбка ее дорожного бежевого платья задралась до колен, обнажая ноги в белых чулках и ботиночках. Георгий громко свистнул, и тут же к нему подбежал черный поджарый жеребец. Быстро вскочив в седло, мужчина натянул поводья и что-то гаркнул по-грузински своим людям. Обхватив одной рукой вожжи коня девушки, он прищепил своего жеребца, и они поскакали вперед. Впереди помчались три джигита, позади четверо. Георгий и девушка оказались в середине кавалькады, и она поняла, что это было сделано для ее безопасности. Конь Амира почти вплотную крупом упирался в лошадь девушки и скакал лишь на полкорпуса впереди.

Полуденное время давно уже минуло, и Софья, бледная, напуганная всей той вакханалией, которую пережила, молча послушно ехала за Асатиани. Ее шляпка, как и перчатки, остались в перевернутой карете, так как, пребывая в нервном состоянии от приключившегося жуткого нападения, девушка даже не вспомнила про них, когда они уезжали с той развилки дорог. Сейчас же она жалела, что так неблагоприятно оставила шляпку в экипаже, та хотя бы немного могла укрыть ее голову от палящего солнца. Стало довольно жарко, и Софья изнывала в своем плотном дорожном платье из парчи, годном для ношения в прохладную погоду, но никак не в жару. Облизывая пересохшие губы, она невольно откидывала с лица выпавшую прядь волос и старалась не думать о том, что ее прическа в ненадлежащем виде, а руки и лицо все в пыли. Она отчетливо понимала, что это мелочи, гораздо важнее добраться до усадьбы князя Левана Асатиани невредимыми.

Уже почти час они скакали по низменной части некоего ущелья с изрезанными сухими скалами по бокам, и девушка с опаской смотрела по сторонам. Солнце нещадно палило, и она ощущала неистовое желание пить. Но вся вода осталась в карете, а попросить воды у Асатиани она не просто стеснялась, а опасалась. Ибо вид этих людей, скачущих рядом с ней, а в особенности их предводителя – азнаури, как представился ей мужчина, сейчас крепкой рукой держащий поводья ее лошади, – внушал ей животный страх. Дикие, бородатые и угрожающие

лица мужчин, которые по велению князя Асатиани должны были сопровождать и охранять ее, совсем не успокаивали.

Софья судорожно цеплялась руками за поводья, боясь упасть от резвой скачки, с которой они перемещались по ущелью, не останавливаясь ни на минуту. Еще ей безумно хотелось спросить, сколько еще ехать, но она боялась заговорить с этим Георгием Асатиани, ибо пронзительный мрачный взор, который он то и дело бросал в ее сторону, приводил все чувства и мысли девушки в неприятное беспокойство. Оттого она безропотно терпела, стараясь отвлечься и позабыть о дикой жажде, мучившей ее.

Еще через некоторое время от нервного состояния и духоты Софья неосознанно устало склонила голову и чуть пошатнулась в седле. Это не укрылось от цепкого взора Асатиани, и он повернулся к ней.

– Вам плохо? – спросил он по-русски, нахмурившись и вглядываясь в ее бледное лицо.

Софья очнулась от полуобморочного состояния и устало посмотрела на него. Она облизнула пересохшие губы и, сглотнув, хрипло вымолвила:

– Георгий, простите меня. Я не запомнила ваше полное имя.

– Георгий Петрович по-русски звучит мое имя, – тут же помог он ей.

– Можно мне немного воды, Георгий Петрович? – попросила она тихо.

Он удивленно вскинул брови и чуть замедлил ход своего жеребца. Не останавливая коней, Асатиани стянул со своего ремня кожаный сосуд, открыл его и протянул девушке. Софья трясущимися от напряжения и усталости руками взяла мягкий мешочек с водой и жадно отпила из него, получая физическое наслаждение от живительной влаги, которая полилась в ее горло. От тряски часть воды пролилась по ее губам на шею. Чувствуя, что напилась, Софья быстро отстранила кожаный сосуд от своего рта и невольно поймала напряженный взор Георгия, который цепко прилип к ее губам. Вмиг смутившись, Софья непроизвольно вытерла рот ладонью и быстро протянула сосуд с водой мужчине, который иноходью скакал с нею рядом.

– Благодарю, – прошептала она одними губами, стараясь не замечать, как Асатиани настойчиво в упор смотрит на ее лицо, совершенно не стесняясь.

Ее тело пронзил неприятный озноб от его горящего взгляда. Мужчина забрал кожаный мешочек из ее рук, промолчав в ответ, и, закрыв его, умело прикрепил к поясу. Он вновь прищиприл коня, повернувшись вперед.

Глава V. Горцы

Именно в этот момент раздались два громких выстрела. Один из джигитов, скачущих чуть впереди них, дернулся и навзничь выпал из седла, убитый метким попаданием в голову. Софья испуганно вскрикнула и тут же села прямо в седле. Она судорожно схватилась руками за поводья и начала оглядываться по сторонам, понимая, что весь ужас начинается вновь.

Георгий стремительно стянул с плеча ружье и, резко подняв голову вверх, на лысые скалы, быстро выстрелил. Софья, сжавшись от страха, увидела, как из расщелины одной из ближайших скал упал вниз человек, видимо, сраженный выстрелом Асатиани. В следующую секунду со стороны скал послышалась неистовая стрельба. Немедля обернувшись назад, Георгий отметил, что еще двое его людей упали с лошадей, так же застреленные в упор. Он что-то дико гаркнул по-грузински остальным джигитам. Лишь на миг он бросил взор на Софью и на немой вопрос, который читался в ее испуганных больших глазах, процедил ответ:

– Сваны...

В следующий миг, дернув поводья ее коня, Асатиани галопом поскакал с девушкой к одной из скал. Через мгновение он почти припечатал жеребца Софьи к камням, укрыв тем самым девушку от пуль.

– Будьте здесь, – коротко бросил Георгий Софье через плечо.

Он выехал вперед, заняв боевую позицию. Оставшиеся в живых четверо его джигитов были уже рядом с ним.

За считанные секунды из расщелин скал появились люди в серых и выцветших рыжих пыльных одеждах, кто верхом, кто пеший. Они, группируясь в небольшие кучки, обнажая свои кривые шашки, устремились к людям Асатиани. Георгий, вновь что-то гаркнув, пришпорил жеребца и вместе со своими джигитами помчался в самую гущу нападающих, которых было около трех дюжин человек, на ходу стреляя из ружья.

Софья, испуганно прижавшись с конем к скале, дикими глазами смотрела на все происходящее. Всего за полчаса сваны хоть и не сразу, но все же разделились со всеми четырьмя джигитами князя Асатиани, убив их или сильно ранив. Лишь один Георгий Асатиани, который, как отметила Софья, был самым искусным во владении оружием, остался невредим, он умело отражал удары горцев, которые окружали его со всех сторон.

Видя, как он рубит шашкой противников направо и налево, помогая себе длинным кинжалом, Софья схватилась за луку седла и со слезами на глазах от страха зашептала молитвы. Она отчетливо понимала, что если сваны разделяются с Георгием Асатиани, то ее жизнь тоже долго не продлится. Однако девушка отчетливо чувствовала, что мужчина не собирается сдаваться, он то и дело умело и дерзко наносил кровавые раны нападавшим. Коня под Георгием убили еще четверть часа назад, и теперь Асатиани стоял впереди нее в пяти шагах и, словно скала, не пропускал мимо себя ни одного свана в сторону Софьи. Он стоял к ней спиной и, широко расставляя сильные ноги, умело двигался на месте и мощно рубил шашкой и длинным ножом по сторонам, отражая нападения сразу нескольких сванов. Но противников было еще много, около двух дюжин. Закусив до боли губу, девушка испепеляла трагичным взором его широкоплечую мощную фигуру в черной черкеске, желая передать ему свою внутреннюю силу в помощь.

Не отрывая дикого ошалевшего взора от этой кровавой бойни, Софья не заметила, как к ней приблизился один из сванов. Лишь когда блестящее лезвие длинного ножа уперлось между ее грудей, девушка невольно обратила испуганный взор вниз. У ее лошади вплотную стоял страшный мужчина с изуродованным лицом, в мохнатой шапке и с бешеным темным взором. Он в упор угрожающе смотрел ей прямо в глаза и с силой прижимал острое лезвие ножа к ее груди.

– Тсс! – услышала она шипение горца.

Девушка, понимая, что сван ждет от нее ответа, и осознавая, что с ножом у сердца будет глупостью спорить с ним, медленно кивнула. В следующий миг мужчина схватил ее за талию, и бесцеремонно стянул девушку с седла, тут же зажав ее плечи рукой.

Амир, прищурившись, огляделся, отметив, что осталось всего полторы дюжины человек. Он знал, что у него есть шанс и им нелегко будет взять его. У него не было еще ни одной раны, не считая царапин на плече и виске, а у сванов уже кончились все патроны. Да, он остался один, ибо еще минуту назад его последнего джигита добились два свана, и Асатиани отчетливо видел это. Но все же пока он жив, у него был шанс выиграть в этой кровавой схватке. Амир вновь нанес удар, и от его шашки рухнул очередной джигит, которому он прорубил руку.

– Асатиани, остановись! – громко прохрипел кто-то за его спиной по-грузински. Амир стремительно обернулся. Он увидел, что девушка стоит на земле, а за ее спиной находится Рашид Дешкелиани. Притиснув изящное тело графини к себе, горец держал у ее тонкого горла длинный блестящий кинжал. – Бросай оружие! Иначе девка умрет! – грубо приказал Рашид.

Амир напрягся и побледнел. В этот миг он отчетливо осознал, что сваны выиграли схватку. И выиграли оттого, что в его кольчуге имелось слабое звено – эта девушка, которую требовалось защитить, и которая не была воином и не могла дать отпор этим наглецам. От бессилия сжав зубы, Амир медленно опустил шашку и бросил ее и кинжал на землю. Немедля на него накинули веревку и стянули руки. Уже через минуту его полностью разоружили, забрав пистолет и ружье, висящее на плече.

Увидев это, Софья, ошалев от ужаса и понимая, что единственный человек, который мог спасти ее, теперь решил сдаться этим диким людям, бешено забилась в руках горца, пытаясь высвободиться. Амир, увидев сопротивление девушки, побледнел сильнее и тут же приказал ей по-русски:

– Не сопротивляйтесь!

Софья застыла, услышав его фразу-приказ, и как-то несчастно непонимающе посмотрела на Асатиани.

Тут же с Георгия скинули шапку, обнажив его густые темно-русые вихры, и один из сванов ударил его кулаком в лицо, разбив губу. Другой приблизил к нему лицо, сказал что-то обидное, как показалось девушке, и кончиком острого ножа чуть порезал его шею. Кровь засочилась тонкой струйкой по мощной шее Асатиани, и Софья, остолбенев от всего происходящего, запаниковала. Она не понимала, отчего Георгий ничего не делает и безропотно терпит все издевательства. Сван, который держал ее, вдруг что-то гаркнул на своем языке, и джигиты отступили от Асатиани. Сван отпустил ее, приблизился к уже связанному Георгию и устремил в его лицо победный наглый взор.

– Ты считаешь меня глупцом, Асатиани? – произнес громко Рашид по-грузински. Амир поднял на него мрачный взгляд, и главарь продолжил: – Неужели ты думал, что я пошлю всего десяток своих людей, чтобы добыть такой ценный трофей, как она? Это была лишь жалкая кучка никчемных осетин, прибившихся к нам когда-то по ошибке. Я прекрасно знал, что тебе не составит труда отбить девку. И верно рассчитал, что ты останешься всего с половиной своих людей. Вот теперь посмотрим, как другие азнаури твоего клана хвосты прижмут, когда узнают, что я взял в плен самого Амира Асатиани! Пусть мой отец увидит, что я лучший из джигитов! А наш аул с удовольствием посмотрит, как тебя, одного из Асатиани, будут пытать, а потом казнят! Устроим тебе публичную казнь! Ха! А за эту русскую девку я от твоего дяди, князя Левана, столько золота получу, что весь аул целый год кормить можно будет! Воистину, удача сегодня на моей стороне!

Амир молчал. Лишь его взор становился все мрачнее, а широкие плечи сильнее горбились.

Рашид отошел от Асатиани и вновь приблизился к Софье. Он велел джигиту, удерживающему ее, связать девушке руки. Остальные уже обыскивали убитых. Спустя пять минут мужчина связал руки девушки жесткими вожжами и, обхватив ее за предплечье, поволок в сторону коней. На краткий миг Софья оказалась рядом с конем, к которому сзади на веревку привязывали безоружного Георгия. Вперив в него негодующий взор, девушка невольно выпалила по-русски:

– Вы ничего так и не сделаете?

Софью мгновенно пронзил потемневший серый взор Асатиани, проникший в самое ее сердце, но он быстро опустил голову. Софью дотащили до лошади, и сван легко поднял ее. Он закинул девушку на коня, кинув ее животом поперек седла.

– Что вы делаете?! Я не хочу! – закричала Софья, но ее возглас был проигнорирован.

Она оказалась лежащей лицом вниз, ее голова и ноги свешивались с лошади. Больно ударившись животом о круп, девушка стиснула зубы, чтобы не застонать от боли. Она поняла, что ее недовольство никого не трогает, и замолчала. Бесполезно было что-то требовать от окружающих ее кровожадных людей.

Уже спустя некоторое время она ощутила, как в седло за ней вскочил кто-то и конь поскакал. Тяжелая мужская рука, опустилась на ее спину и с силой прижала ее к подвижному крупу животного. Раздался гулкий вой мужчин, и она, чуть приподняв голову с неудобного низкого положения, увидела, как сваны запрыгнули в седла, и уже через минуту отряд двинулся вперед. Они повернули в обратную сторону дороги, по которой приехали.

Ошалевшая и напуганная Софья ощущала, что находится в настоящем аду. Лошадь, то и дело подскакивая, иноходью следовала по ухабистой дороге, и каждый ее шаг больно отзывался в теле девушки. Неудобная поза животом вниз была не просто унижительна, но и болезненна, ибо она то и дело жестко ударялась животом о круп коня. Руки ее, вывернутые назад и связанные, так же причиняли боль. Софья ощущала, что ее голова гудит от низкого положения. Она едва сдерживалась, чтобы не заплакать от жуткого страха, который охватил все ее существо.

Пытаясь осмотреться, она поворачивала голову, которая свисала вниз, и заметила, что всего в десятке шагов позади нее бежит Георгий Асатиани. Он был привязан за руки позади одного из коней на недлинную веревку. Сбоку рядом с ним скакал один из джигитов и периодически хлестал короткой плеткой по плечам Асатиани, подгоняя его. Георгий лишь отворачивал лицо от свана, видимо, пытаясь избежать ударов по глазам, и как можно быстрее перебирал ногами, чтобы успеть за скачущим нерезвой иноходью жеребцом. Отметив эту жутковато-издевательскую картину, девушка вновь опустила лицо и поняла, что ее положение не так уж плачевно по сравнению с пытками Асатиани.

Мука продолжалась уже около часа. Она так и ехала на крупе коня поперек седла. Шпильки из ее длинных волос выпали еще четверть часа назад, и ее золотисто-рыжая грива свободно свисала с головы, концами почти достигая пыльной дороги. В какой-то момент Софья, не в силах выносить это невозможно болезненное положение животом вниз, ощутила, что ее начало тошнить. Поняв, что от этой ужасной позы ее организм просто раздавлен, она почувствовала, что ее сейчас вывернет наружу. Через миг ее вытошнило на дорогу. Джигит, на крупе коня которого находилась Софья, громко проворчал что-то по-грузински и словно в наказание со всего размаха ударил ее по ягодицам, укрытым бежевой юбкой. Болезненный удар его тяжелой ладони вызвал у девушки очередной приступ шока, и она сцепила зубы, стараясь найти в себе силы успокоиться и не поддаваться панике, которая уже захватила ее душу. Спустя некоторое время ее вытошнило еще раз, и после этого ей стало гораздо легче. Она пыталась отдышаться и сглотнуть горечь, которая саднила в горле.

От унижения, боли в животе и пугающей неизвестности душевное напряжение Софьи достигло предела. Ее глаза увлажнились, а по лицу покатались тихие страдальческие слезы. Она старалась скрыть их от окружающих ее страшных диких мужчин, чтобы не показать им, как

она раздавлена и несчастна. Через полчаса девушка почувствовала сильное головокружение, в груди появился твердый комок, и ее вновь замутило. Еще спустя некоторое время она, теряя сознание, обмякла на крупе коня, ощущая, что силы оставляют ее.

Когда она пришла в себя, уже смеркалось. Конь под ней стоял, переминаясь с ноги на ногу. Софья чуть подняла голову и увидела, что они находятся на небольшой поляне, окруженной лесом, неподалеку от высоких гор, которые уходили своими зелено-снежными вершинами в небо. Джигита, который сидел позади нее, не было в седле. Однако не прошло и пяти минут, как к ней кто-то приблизился и, приподняв ее, стянул с крупа коня.

Сван поставил ее на ноги, и Софья едва не упала на подкашивающихся от усталости ногах. Ее придержала сильная рука худощавого неприятного на лицо мужчины. В следующий миг он неучтиво схватил девушку за плечо и подтолкнул к костру, который уже плясал языками согревающего пламени. Она нечаянно оступилась и упала на одного из мужчин, сидящего у огня. Подняв на него взгляд, Софья увидела серо-голубые глаза Асатиани. Его загорелое обветренное лицо было мрачным. Он даже не сдвинулся с места, лишь внимательные глаза как-то пронзительно и успокаивающе посмотрели на нее. Упав невольно на колени, девушка чуть отодвинулась от Асатиани и осела на траву рядом с ним. Руки ее до сих пор были связаны сзади, как и у него.

– Как вы? – спросил ее тихо Георгий по-русски, повернув к ней лицо.

– Не очень, – пролепетала в ответ Софья, нервно смотря на него. – Куда нас везут? – тут же задала она вопрос.

– В горы. За Лечхумским хребтом земли сванов.

– Они убьют нас? – не удержалась от мучившего ее вопроса девушка.

– Нет. Если бы хотели, то сделали бы это сразу.

– За меня будут требовать выкуп у князя Асатиани, так? – спросила Софья тихо, озираясь на главаря, который стоял неподалеку, разговаривая со своими людьми, и недовольно смотрел в их сторону.

– Да, – кивнул Амир, поразившись правильной догадке девушки.

Ведь он прекрасно знал, что она не могла понять слова Рашида, когда тот говорил по-грузински о выкупе.

– А за вас? – спросила тут же она.

В этот момент к ним подошел один из сванов. Грубо схватив девушку за плечо, он оттащил ее от Амира-Георгия, пересадив на другую сторону от костра. Она больно плюхнулась ягодицами на траву. Сван присел на корточки рядом с ней и, стянув кожаный мешочек с водой со своего пояса, открыл его и поднес к губам девушки. Софья удивленно посмотрела на него и кивнула. Бородатый худощавый мужчина приложил мешочек к ее губам и наклонил. Софья начала пить жадными большими глотками, и, как и в прошлый раз, часть воды вылилась на ее платье. Сван сразу же убрал кожаный сосуд и, закрыв его, повесил на пояс. Он не выпрямился, а остался сидеть на корточках сбоку от нее. Не спуская с нее темно-карего горящего взгляда, он протянул руку и провел двумя пальцами по ее округлой щеке. Девушка в ужасе отшатнулась от свана, чуть отползая назад, и ощутила, что уперлась спиной в ноги другого джигита. Откуда-то сверху появилась рука, и ладонь другого мужчины, стоявшего над ней, опустилась на ее густые волосы, потянув их. Он наклонился сильнее, и его пальцы начали нагло перебирать рыжеватые светлые пряди.

– Красивая, – сказал один мужчина другому по-грузински.

Софья невольно замотала головой, пытаясь сбросить руку стоявшего над ней джигита со своих волос. Ее связанные сзади запястья не позволяли ударить наглеца по рукам. В ответ на ее непокорность мужчина глухо рассмеялся. А первый, так и сидя на корточках и не спуская масляного взора с бледного лица девушки, добавил:

– И не говори. Беленькая, словно снег, а глаза такие зеленые, будто трава в долине.

Девушка испуганно попыталась отползти от них в сторону, где никого не было. Но это лишь позабавило сванов, и они, переместившись за пленницей, уже бесцеремонно начали трогать и гладить ее плечи, спину и волосы. В истерике Софья принялась дергать связанные за спиной руки, понимая, что она даже не может оказать сопротивление этим охальникам.

Амир, застыв в напряженной угрожающей позе и стискивая до боли кисти рук, мрачным темным взглядом следил за тем, как сваны дерзко ведут себя с девушкой. От неистового возмущения он напряг руки, желая разорвать путы. Жесткие вожжи, которые стягивали его запястья, до боли врезались в его кожу. В ярости он смотрел за тем, как джигиты Рашида, развлекаясь, дерзко прикасаются к лицу, плечам и волосам графини, и его сердце наполнялось бешенством от бессилия. Он отчетливо видел, что девушка пытается всеми силами сопротивляться этим негодяям. Но сваны явно не собирались останавливаться, и все ее попытки отстраниться от них вызывали лишь гадкие ухмылки на лицах джигитов. Амир лихорадочно пытался найти решение, чтобы помочь ей. И в тот миг, когда один из сванов дерзко схватил девушку за выступающую грудь, а она в ответ попыталась укунить наглеца за руку, Амир громко гаркнул в сторону главаря по-грузински:

– Рашид! – Дешкелиани обернулся в его сторону и чуть приблизился. Амир тут же указал гневным взглядом в сторону девушки и сквозь зубы процедил: – Убери своих людей от нее! Князь вряд ли отвалит тебе за девку много золота, если узнает, что она прошла через руки твоих джигитов!

Рашид тут же метнул недовольный взгляд вбок на девушку и, мгновенно оценив ситуацию, отчеканил своим людям:

– Отошли от девки! – Джигиты тут же напряглись и выпрямились. Они отступили от Софьи на шаг. Дешкелиани обвел предостерегающим взглядом всех мужчин, которые после его громкого окрика обернулись к нему, и с угрозой добавил: – Первому, кто дотронется до нее, отрублю руку!

Подтвердив свои слова грозным взглядом, Рашид отошел к одному из джигитов, стоявшему у привязанных коней.

Глава VI. Перевал

Софья, дрожа всем телом от неприятного озноба, подползла на коленях обратно к Асатиани и села рядом с ним на траву. С благодарностью глядя в его мрачное лицо, она прошептала по-русски:

– Благодарю вас, что вы им сказали?

– Неважно, – тихо ответил Амир, напряженно смотря в ее глаза. – Главное, что больше они вас не тронут.

Софья увидела, что он не спускает напряженного взора с Рашида, который что-то тихо обсуждал с пожилым сваном. Лишь спустя минуту, когда главарь отошел к своему коню, закончив разговор, Софья тихо спросила Георгия:

– Вы поняли, о чем они говорили?

– Да, – заметил Амир по-русски тихо, переводя взор на девушку. – Они хотят заночевать здесь, а завтра отправиться в горы через большой перевал, как я и предполагал. Через три дня мы должны добраться до Сванети.

– Вы умеете читать по губам? – спросила Софья удивленно, понимая, что с такого расстояния Асатиани просто не мог расслышать слов джигитов.

– Немного, – ответил он.

– А они понимают по-русски?

– Думаю, нет.

В этот момент к ним вернулся Рашид. Его лицо, обезображенное над правым глазом жутким шрамом, было недовольно. Он сильно ударил концом плети Георгия по плечу и процедил:

– Я запрещаю тебе говорить с ней!

Софья испуганно сжалась. Когда же главарь выпрямился и отошел за Георгия, переводя свое внимание на джигитов, которые доставали поклажу, готовясь к ночлегу, девушка, не поняв, что сказал главарь, вновь обратилась к Георгию и пробормотала:

– Вы не могли бы попросить их...

– Молчите, – тихо вымолвил Амир по-русски. – Он запретил нам разговаривать.

Рашид тут же повернулся на голос Асатиани и, сделав два быстрых шага обратно, со всей силы ударил Георгия в живот ногой, сквозь зубы процедив:

– Я велел тебе замолчать, Асатиани!

Софья нервно поджала губы, видя, как от сильного удара Георгий чуть согнулся и лишь сильнее побледнел, сжав зубы. Понимая, что главарь настроен решительно и, видимо, более не допустит их речей, девушка перевела взор на свана и громко вымолвила:

– Рашид!

Главарь сванов резко обернулся и хмуро посмотрел на нее. Он понимал, что девушка не знает ни слова по-грузински. Оттого был удивлен, что она зовет его по имени. Но потом, вспомнив, что она слышала, как его звал Асатиани чуть ранее, приблизился и спросил по-грузински:

– Чего тебе, женщина?

Софья, даже не зная его языка, поняла, что он сказал. Она должна была как-то сама объяснить, что ей надо, ибо иначе он вновь будет бить Георгия. Видя, как главарь внимательно смотрит на нее сверху вниз, девушка красноречиво показала взглядом на свой живот, а затем указала головой в сторону деревьев. Рашид хмуро оскалился, поняв, что она имеет в виду, и обратил свой взор на одного из джигитов, который в этот миг подкладывал ветки в костер, и приказал ему по-грузински:

– Яго, отведи девку в кусты. Да проследи за ней. И недолго там!

В следующий миг Рашид наклонился к Софье и поднял ее на ноги. Достав короткий кинжал, он умелым движением перерезал веревки, стягивающие ее запястья сзади. Она тут же начала тереть намозоленные руки, на которых отчетливо виднелись красные пятна от жестких веревок. Рашид поднес кулак к носу девушки и, после того как ее взор понятиливо прищурился, толкнул ее в сторону подошедшего Яго.

Софья лишь на миг взглянула на Асатиани и отметила его пораженный и удивленный взор, прилипший к ее лицу, он явно не ожидал, что она сможет объясниться с Рашидом без слов.

Яго оказался вполне тихим пареньком лет шестнадцати. Он даже как-то почтительно стоял на расстоянии от кустов, где находилась девушка, и, лишь только когда она вышла сама, приблизился к ней и отвел обратно на привал. Девушка, которая последние полчаса терпела нужду, уже более успокоенная вернулась на поляну. Все сваны подсели ближе к костру, чтобы согреться, ибо солнце спряталось за высокие горы и стало холодать.

Едва Софья заняла прежнее место у костра, ей выдали половину куска сухого лаваша и немного козьего сыра. То же самое ели и сваны, запивая водой из небольших кожаных мешков. Пережевывая сухой хлеб, Софья печально наблюдала за тем, как Георгия кормил сам вожак, так и не развязав ему руки. Рашид дал Асатиани лишь маленький кусок лаваша и пару глотков воды. Девушка медленно ела, понимая, что такая скудная пища явно не насытила Георгия.

Уже через час все улеглись вокруг костра. Джигиты почти все быстро захрапели, а девушка хоть и безумно устала, но все же не могла сомкнуть глаз от всего, что пережила и видела сегодня. Софья единственная лежала на небольших мешках с мягкой поклажей, накрытая плащом одного из джигитов. Остальные мужчины лежали прямо на траве вокруг костра, завернувшись в длинные плащи. Их было восемнадцать человек, как сосчитала девушка.

Асатиани так и был одет лишь в длинную черкеску, достающую своими полами до его высоких мягких сапог, без плаща. Софья видела, что он лежит на боку и иногда шевелит плечами, словно пытаясь их размять. Девушка думала, что его руки совсем онемели от неудобного связанного положения за спиной, и жалела его. Ведь ей руки более не связывали.

Она лежала напротив Георгия через горящий костер и отчетливо видела его загорелое лицо, которое наполовину было скрыто скачущими языками пламени. Верхняя часть его, а именно глаза, обрамленные темными бровями, хорошо были видны ей. Он тоже не спал и также смотрел на нее. Его взор, пронзительный, неподвижный и какой-то завораживающий, проникал в самые тайные глубины ее души и словно успокаивал. Софья вдруг осознала, что этот суровый мужчина, которого она знала всего день, в этот момент времени, здесь, в этом жутком месте, среди этих опасных людей был единственным ее другом. Единственным человеком, который мог утешить ее хотя бы взором, и это у него очень хорошо получалось. Ибо уже спустя четверть часа, все так же неотрывно смотря в глаза Асатиани, Софья невольно прикрыла веки и забылась крепким сном.

Проснулась она от резкого толчка по ногам. И в следующий миг чья-то жесткая рука схватила ее за плечо и посадила. Она испуганно распахнула глаза, пытаясь осознать, где находится.

Светало. Софья тут же вскинула глаза на Рашида, возвышающегося над ней. Он что-то сказал ей по-грузински, и она отчетливо поняла, что он велел ей вставать. Как и накануне, она отправилась с Яго в кусты, чтобы облегчиться, и по возвращении на поляну получила из рук Рашида кусок сухого лаваша и немного воды. Остальные джигиты уже седлали лошадей и призывали поклажу. Георгий стоял недалеко от нее. Его высокая широкоплечая фигура, отличавшаяся своей величавостью от других джигитов, казалась понурой, а плечи сгорбленными. Выглядел он устало и даже замученно. Его руки по-прежнему были связаны. И она искренне пожалела Асатиани, думая, что он, наверное, совсем уже не чувствует пальцев. Отметив, что

ему даже не дали воды, не говоря уже о куске хлеба, девушка озабоченно поджала губы, понимая, что если с ним и дальше будут обращаться подобным образом, то он вскоре совсем потеряет силы.

Она стояла от Георгия в десяти шагах, и ей очень хотелось подойти к нему и поговорить. Но девушка не дерзнула этого сделать, ибо знала, что главарь будет недоволен и Асатиани вновь могут ударить. Через пару минут к Георгию подошел один из сванов. Проверив жесткие вожжи, стягивающие впереди руки пленника, он толкнул Георгия вперед. Асатиани что-то резко сказал джигиту по-грузински. В ответ сван гадко ухмыльнулся и указал головой на куст, росший рядом.

Не понимая, что происходит, девушка увидела, как Асатиани, опустив голову, подошел к кусту и, повернувшись к ней спиной, остановился. В следующую минуту джигит, сопровождавший Георгия, распахнул его длинную черкеску и распустил завязки его темных штанов, спустив их до колен. Софья резко отвернулась, увидев лишь на миг обнаженные мощные покрытые темными волосами ноги Асатиани. Поняв, что прямо при всех Георгия заставили справлять нужду, Софья даже боялась думать о том, что там происходило дальше. Она видела, как некоторые из джигитов смотрят в сторону Асатиани и хмуро лыбятся в черные бороды. Ставшая пунцовой от стыда за Георгия от того унижения, которое учинили над ним сваны, девушка чуть отошла к коням, пытаясь хотя бы не смущать Асатиани своим присутствием, нервно осознавая, что ему даже не позволили уйти в кусты, чтобы облегчиться.

Уже спустя пару минут джигит подтолкнул Георгия к коням, и он невольно оказался рядом с нею. Софья бросила нервный участливый взгляд на Асатиани и увидела его смертельно бледное лицо и полные злости глаза. Желая хоть немного подбодрить его, девушка быстро приблизилась вплотную и тихо спросила по-русски:

– Зачем они так унижают вас?

– Бояться, что сбегу, – просто ответил Асатиани по-русски и криво оскалился, устремив в ее бледное лицо стальной взгляд.

– А вы можете? – тут же выпалила тихо Софья и напряжено посмотрела на него.

Яркая зелень ее прелестного пораженного взгляда тут же вызвала в существе Амира сладостную дрожь. Не в силах оторвать взора от ее огромных чудесных глаз, он лишь молчал. Заслышав приближающиеся сзади шаги, Георгий словно опомнился и очень тихо прошептал ей:

– Будьте готовы...

Он тут же отстранился от девушки и отошел, более не разговаривая.

Софья проследила за ним диким пораженным взглядом и ощутила, как ее сердце глухо сильно забилося. Простая фраза Асатиани, такая короткая, но емкая, вызвала в ее душе яростный неистовый трепет. И она отчетливо поняла, что он не смирился. Эта единственная его фраза вселила в нее надежду на спасение. Возможно, у них еще будет шанс, шанс сбежать. Но когда?

В то утро они направились в сторону гор.

Еще при отъезде Софья попыталась возмутиться и сказала пару недовольных фраз на русском Рашиду, протестуя, чтобы ее вновь везли, перекинув через спину коня. Долгие минуты она, почти не веря в свою удачу, гневно спорила с Рашидом, который пытался приподнять ее и перекинуть через седло, а она неистово вырвалась и требовательно заявляла по-русски, что хочет ехать верхом, всеми своими движениями и красноречивыми взглядами показывая это.

Спустя пять минут Рашид вдруг зло выругался и недовольно процедил, что девка его уже допекла. Под удивленными и опешившими взглядами остальных джигитов Дешкелиани закинул Софью в седло, позволив ей сесть по-мужски, но лицом к крупу коня. Сам он проворно запрыгнул в седло впереди нее и длинным ремнем привязал девушку за талию к своему торсу. Софья

же, немного опешившая оттого, что все же добилась своего, довольно улыбнулась одними уголками губ. Она схватилась руками за заднюю луку седла, когда Рашид прищипорил своего коня.

Софья победно и как-то хитро окинула взором джигитов, которые, не отрываясь, следили за всей этой сценой и теперь остолбенело смотрели на главаря и девушку, сидящую за его спиной, совершенно не понимая, отчего Дешкелиани уступил девке. Когда отряд тронулся, Софья перевела взор на Асатиани, который, как и накануне, был привязан за руки веревкой к одному из коней сванов и бежал сзади, стараясь успеть за тихой иноходью жеребца. Георгий как-то исподлобья по-доброму смотрел на нее и тихо скалился в густую короткую бороду, стараясь не показать окружающим своего приподнятого настроения.

Подножья гор они достигли спустя пять часов.

Полуденный зной уже вновь завладел долиной, и стало душно. В одном из захудалых аулов сваны вновь сделали короткий привал. Здесь же четверо джигитов из их отряда, забрав большую часть лошадей, усаkali с ними в обратном направлении. Таким образом в их отряде осталось четырнадцать сванов вместе с Рашидом. Во время остановки Софья получила козий сыр и одну из горячих лепешек, которые сваны притащили от местных. Она запила все водой и отметила, что Георгию вновь не дали еды. Рашид лишь позволил ему один раз глотнуть из своего кожаного мешка и тут же убрал от лица Асатиани воду, чтобы тот не выпил больше. Софья сильно переживала, ощущая, что сваны делали это специально, чтобы у Георгия не было сил сопротивляться.

После короткого отдыха отряд с пленниками начал пеший подъем в горы. Они следовали по неровной извилистой каменистой тропе, которая огибала высокие скалы, уходившие своими верхушками в небо. Впереди шли пятеро джигитов, ведя под уздцы двух лошадей, нагруженных немногочисленной поклажей. За ними следовал Рашид, держа под уздцы жеребца, на котором восседала Софья. Теперь девушка сидела по-мужски в седле вперед лицом, единственная из всего отряда верхом. Следом за ее конем шли еще трое сванов, один из которых также вел коня под уздцы. Затем, понукаемый одним из джигитов, шел связанный Асатиани. На его плечах был один из больших мешков с провизией. Последние четверо сванов замыкали кавалькаду, следуя так же пешком и неся на плечах, как и все остальные джигиты, ружья.

Поначалу дорога была довольно широкой, но спустя пару часов, когда девушку пересаживали на другую лошадь, чтобы первое животное отдохнуло, путь стал сужаться. Еще через несколько часов тропа стала такой узкой, что Софья невольно с испугом смотрела на обрывистый край скалы, которая уходила вниз. С каждым часом извилистый путь все сильнее поднимался вверх, и высокие деревья, росшие у подножья гор, казались все меньше размером. Стало резко холодать, и девушка в своем платье и легком плаще начала мерзнуть. Софье казалось, что посреди лета наступила осень. Они все шли и шли вверх в гору по узкой плутающей вокруг скал тропе. Каждый час под девушкой меняли лошадь, и Софья поняла, что животных взяли только ради нее.

Она отчетливо видела, что Рашид, который подгонял своими глухими командами сванов, недоволен, и отчего-то думала, что он требует идти быстрее. Но мужчины, на своих плечах неся оружие и мешки с провизией, передвигались с каждым поворотом все тяжелее. Девушка отчетливо видела испарину на их лицах и упорно сжатые губы. Она постоянно оборачивалась на Георгия, который также нес тяжелую поклажу на плечах и то и дело оступался. Софья удрученно понимала, что Асатиани идет пешком уже давно, как и все. А вчера и сегодня до полудня он многие версты бежал за конем. Его совсем не кормили за сегодняшний день и дали лишь глоток воды. Она видела, что его плечи сторблены, а высокая фигура покачивается от усталости. Он смотрел лишь под ноги, и весь его вид указывал на то, что он смертельно устал и еле держится на ногах. Софья тяжело и горестно вздыхала, отчего-то начиная подозревать, что у Георгия ничего не получится с побегом, ибо у него не было даже сил идти, не то чтобы сражаться с дюжиной сванов, которые держали их в плену.

К вечеру дорога стала еще круче и уже. Теперь Рашид был вынужден идти впереди ее лошади, так как места сбоку от коня не было. Почти касаясь одним плечом отвесной холодной скалы, Софья старалась не смотреть вниз, на жуткую бездну с другой стороны. Долины уже не было видно давно, а тучи скрывали от взора зеленую низменность у подножья гор. С каждым часом становилось все холоднее, и когда начало смеркаться, пошел снег. Последние часы Софья постоянно на поворотах косилась на Георгия, видя, что тот идет через силу и постоянно спотыкается. Он не поднимал взора и, опустив голову на грудь, брел, не обращая внимания на то, как белый снег покрывает густые вихры его темно-русых волос.

Софья куталась в плащ, накрыв голову капюшоном, но совершенно не могла согреться. Солнце стремительно село, и их окутала непроглядная тьма. Джигиты зажгли факелы, и Рашид то и дело что-то злобно кричал. Она понимала, что он торопит людей. Мужчины уже тяжело дышали и из последних сил карабкались по обрывистому пути наверх. Только через полтора часа после наступления темноты они наконец достигли довольно большой открытой пещеры. Именно к ней и вел их Рашид, осознала Софья, и оттого торопил людей, чтобы скорее сделать привал.

Сваны соорудили небольшой костер из сухого хвороста, который нес один из них на плечах всю дорогу, и развели огонь. Четверо мужчин кормили и поили лошадей, грея в руках снег и протягивая талые белые сгустки коням. Остальные заняли место вокруг костра, протягивая руки к огню и греясь. Девушку также усадили ближе к костру. Асатиани привязали к большому камню в глубине пещеры. Софья печально и с жалостью кидала взоры в его сторону, ибо Георгий совсем не получал тепла, находясь довольно далеко от огня.

Уже через полчаса, быстро подкрепившись скудным пайком, состоящим из лепешек и сыра, сваны начали занимать места у костра. Софью, как и в первую ночь, уложили на мешки с поклажей и дали еще один плащ. Девушка накрылась им сверху, предварительно с головой замотавшись в первый плащ. Было так холодно, что она, не переставая, дрожала, несмотря на то что лежала ближе всех к догорающему костру. Не заметив как, измученная, замерзшая и несчастная Софья заснула, провалившись в глубокий тревожный сон.

Глава VII. Побег

Софья проснулась внезапно.

Распахнув глаза, она увидела, как над ней склонилось суровое лицо Асатиани. Его серебряный взор, грозный и мрачный, словно приказывал ей молчать. Широкая ладонь Георгия закрывала ей рот, очень осторожно, но властно. Девушка увидела, что он свободен, его руки не связаны, а он сидит около нее на корточках. Осознав, что он прикрывает ее рот рукой, чтобы она нечаянно не вскрикнула, Софья окончательно пришла в себя и чуть прикрыла глаза, показывая ему, что все поняла. Он убрал ладонь с ее лица и взглядом приказал встать, далее стремительно выпрямился и бесшумно отошел.

Софья стремительно села и огляделась по сторонам.

Светало. Снег прекратился.

Бросив невольный взор на лежащих рядом с нею джигитов, она тут же заглушила в себе дикий порыв закричать. Два свана из пяти, спящих рядом с нею, лежали с перерезанным горлом. Струи свежей крови покрывали их черески и стекали на талую каменную землю. Подавив в себе приступ подступающей тошноты от вида убитых, Софья быстро поднялась на ноги. Приподняв юбку и оглянувшись, она заметила, как в этот миг Асатиани осторожно вытащил скрученную веревку у одного из спящих сванов, держа острый нож у его горла, видимо, собираясь покончить и с ним, если тот проснется. Спящий даже не пошевелился, продолжая храпеть, и Георгий быстро засунул веревку в небольшой заплечный мешок.

Стараясь не шуметь, девушка оправила плащ на плечах и, приподняв юбку, осторожно на цыпочках ступая между спящими, тихо приблизилась к Георгию. Он как раз наклонился над одним из сванов. И в следующий миг Софья увидела, что сван открыл глаза. Тут же стремительным ударом кинжала Асатиани перерезал мужчине горло, и сван не издал ни звука. Кровь захлестала из раны убитого, и девушка резко зажмурилась, ошалев от ужасающей картины. Пытаясь взять себя в руки и внушая себе, что по-другому Асатиани поступить не мог, она заставила себя вновь открыть глаза. Георгий уже закрепил на поясе шашку, которую забрал у убитого, и ловко вытащил ружье из-под мертвого свана, перекинув его через плечо. Обернувшись к ней, Асатиани показал ей взглядом идти к выходу из пещеры. Софья поняливо кивнула и, откинув назад косу, которая чуть распустилась со вчерашнего вечера, плотнее закуталась в плащ и, осторожно ступая, направилась наружу.

Вдруг она слышала шорох и увидела, как чуть сбоку от остальных шевелится раненый Рашид, который, закатив глаза, издавал предсмертные хрипы. Уже через миг он затих, испустив дух. Она обернулась к Георгию, тот уже направился за ней, бесшумно ступая между спящими сванами. Софья поразилась, как под его легкими кожаными сапогами, обтягивающими сильные ноги, не скрипнул ни один камень. Уже через миг мужчина приблизился к ней и, с силой схватив за руку, потянул прочь из пещеры.

Они выскочили на извилистую узкую тропу. Рассвет уже набирал силу. Вновь пошел снег. Софья накинула на голову капюшон. Асатиани крепко держал ее за руку и тянул ее за собой по каменистой дороге вниз с горы. Вскоре он ускорился и так стремительно спускался по тропе, перепрыгивая через камни, что Софья еле успевала перебирать ногами, чтобы не упасть, и высоко поднимала юбку. Он тянул ее за руку все сильнее, то и дело бросая на нее недовольные взгляды. Георгий явно хотел, чтобы девушка перемещалась быстрее, но она не могла бежать резвее. Ее дыхание срывалось, и она знала, что долго не сможет нестись в таком стремительном темпе.

Уже через некоторое время Асатиани, не выдержав, бесцеремонно обхватил девушку сильной рукой за талию. Он прижал Софью к своему боку, почти приподнимая над землей, и еще прибавил ходу. Невольно опешив от его вольных действий, девушка промолчала, пре-

красно понимая, что теперь каждая минута на счету и в любой момент могут проснуться остальные десять сванов, которые остались в пещере.

– Быстрее, быстрее, – понукал он ее, прибавляя шаг.

– Откуда у вас столько сил?! – выпалила пораженно Софья, ощущая, как его стальная рука обвивает ее стан и, приподнимая ее вверх, почти несет ее над землей. Она то и дело ощущала, что не достает ногами до тропы, и отчетливо чувствовала, что Асатиани, припечатав к своему боку, почти тащит ее на весу, не умедляя темпа стремительного спуска. Не выдержав, она невольно выдохнула: – Еще вчера вы едва держались на ногах...

На ее заявление Асатиани криво оскалился и быстро произнес:

– Это была игра для сванов. Неужели вы думали, я так слаб, что какая-то вылазка в гору утомит меня? Держитесь за мою шею, так вам будет легче.

– Но мне так показалось. Вам не давали есть почти сутки, – пролепетала Софья.

– И что ж? – хмыкнул он в ответ, переходя на бег.

Чтобы не споткнуться от стремительного бега, она ухватила рукой за его широкую шею, как он и велел. Георгий тут же подтянул ее выше, и девушка, уже совсем не касаясь ногами земли, прямо полетела над каменным ступеням.

– Осторожнее! – прошептала она испуганно, когда на очередном повороте, очень крутом и узком, Асатиани резко повернул, и ее ноги оказались прямо над краем обрыва.

– Не бойтесь, я крепко держу вас, – вымолвил он сухо в ответ.

Софья почему-то даже не усомнилась в его словах, ибо его рука почти до боли в ребрах стискивала ее талию, прижимая к себе. Второй рукой Георгий удерживал на плече ружье и холщевый мешок.

Они спускались более часа. Этот неистовый бешеный бег сводил с ума. Асатиани все так же с силой поднимал ее, держа на весу. Софья, дрожащая, испуганная стремительным движением и узкими поворотами, на которых мужчина даже не притормаживал, отчаянно боялась, что они вот-вот сорвутся в пропасть. Однако, сжав упорно губы, молчаливо терпела, прекрасно осознавая, что каждый миг отделяет их от повторного пленения сванами.

Вдруг сверху раздались выстрелы. Молниеносно подняв голову, Георгий притиснул девушку к скале, когда пуля просвистела рядом. Лишь краем глаза Софье удалось заметить в тридцати саженях выше на горе темные силуэты. Это были сваны. Спуск в этом месте кружил вокруг горы, и верхняя тропа, петляя, то и дело повторяла изгиб нижней тропы. Выстрелы на миг прекратились, и Асатиани потянул девушку далее по извилистому пути, прижимаясь к скале. Они сделали около полусотни шагов, когда сваны вновь оказались у них над головами и начали стрелять. Георгий на миг остановился и, велев девушке прижаться к скале, стремительно стянул с плеча ружье и прицелился. Он выстрелил и тут же выругался.

– Сильный ветер, сбивает пулю. Мне не достать до них, – процедил он. Асатиани вновь потянул ее вниз с горы, ибо сваны, услышав его выстрелы, прекратили пальбу. Однако минут через пять он глухо вымолвил: – Так нам не уйти. Они нагонят нас у подножья горы.

– Нас поймают? – прошептала Софья в ужасе.

– Если нас поймают, то убьют, – отрезал он. Он вдруг остановился и, отпустив девушку, приблизился к обрыву и посмотрел вниз и в стороны. – Сюда! – властно велел он и устремился вниз, к другой стороне отвесной скалы. Когда Софья догнала его, Асатиани уже привязывал веревку к небольшому острому выступу в скале. Едва девушка приблизилась, он быстро привязал другой конец веревки к ее талии, а затем к себе.

– Что вы задумали? – опешила Софья.

Но он уже одной рукой схватил веревку, натягивая ее конец и дергая его, проверяя, как крепко она прицеплена к скале. Второй рукой он властно обхватил Софью за талию, притиснув ее к своей груди. Приблизившись к обрыву с девушкой, Георгий тихо вымолвил:

– Так мы сократим путь в несколько раз. Доверьтесь мне.

Софья вдруг поняла, что он задумал – спуститься на веревке вниз с горы прямо в пропасть. Мгновенно посмотрев вниз, девушка ошарашенно отметила, что облака закрывали землю, и не было видно, где кончался обрыв. Она бросила на него испуганный взор и уже открыла рот, чтобы возмущенно спросить, не сошел ли он с ума? Но его взгляд, обращенный на нее, выражал такую силу и мощь, что девушка промолчала, лишь сильнее притиснувшись к Георгию, и кивнула в ответ.

Он шагнул вниз, и они, дернувшись на веревке, повисли над обрывом. От жуткого страха, который охватил все ее существо, Софья судорожно вцепилась руками в его мощный торс и с шумом глухо выдохнула.

– Не смотрите вниз, – скомандовал Асатиани.

Одной рукой он понемногу протягивал и выпускал веревку из своей ладони в кожаной перчатке, опуская их вниз, а другой как будто железным кольцом прижимал легкое тело Софьи к себе. Он отталкивался ногами от скалы, стараясь не ударить о ледяные камни девушку, которая была в его объятиях. Они начали быстро опускаться ниже и ниже. Облака окружали их, и вереница гор сверху уже была плохо видна.

Они спустились, наверное, на десять саженей, когда сверху вновь раздались выстрелы. Георгий побледнел и начал быстрее выпускать веревку из рук. Следующие десять саженей он стремительно и мощно спускал их вниз. Софья слышала, как пули свистят прямо над ними и со страхом смотрела вверх, где на скале над ними были видны силуэты сванов. Вдруг движение остановилось. Софья вскинула на Георгия глаза.

– Веревка кончилась, – выдохнул он.

Девушка стремительно кинула взгляд вниз. Под ногами простирались лишь серые плотные тучи, в которые уходила скала. Земли так и не было видно. Она перевела взор на его лицо и прошептала:

– И теперь что?

– Будем прыгать, – глухо вымолвил он.

– Вы с ума сошли? – возмутилась она, остолебев от его слов, уже не в силах выдерживать всего этого ужаса. – Мы разобьемся насмерть!

Но в ответ увидела его жесткий немигающий взор, который мрачно мерцал на суровом обветренном лице. Вновь раздались выстрелы, и пуля просвистела рядом с ними. В следующий миг Софья в ужасе увидела, как висок Асатиани обагрился кровью.

– Георгий! – пролепетала она испуганно, ощущая, что сейчас просто потеряет рассудок от всего этого нескончаемого ада.

Она невольно протянула руку к его виску и вытерла пальцами кровь.

– Только задели, не страшно, – отмахнулся Асатиани. Поняв, что пуля пролетела мимо, лишь чиркнув по виску, Софья судорожно сглотнула, а Георгий объяснил: – По моим подсчетам, до земли пять-семь саженей.

Софья вновь посмотрела вниз. Под ногами была лишь белая пелена низкого тумана, который закрывал землю. Она вновь обернула на него лицо с дикой мольбой. Асатиани вытащил нож, намереваясь обрезать веревку.

– Не надо, – простонала несчастно Софья, бросая в него безумный взор.

От страха ее глаза увлажнились.

– Они достигнут нужного места через четверть часа и обрежут веревку, – могильным голосом произнес Георгий. – Или еще хуже – вытянут веревку вместе с нами, и тогда... – он на миг замолчал, и она увидела в его глазах смертельный холод. – Поверьте, быстро нас не убьют...

Софья прекрасно поняла, о чем он говорил. Он имел в виду, что их будут мучить перед смертью. Она представила, как эти самые два джигита, которые тискали ее на привале, уже не просто будут трогать, а сделают с ней нечто гораздо худшее. Она устремила на Асатиани испуганные прелестные глаза, понимая, что, вероятно, он прав, и прыжок – это их единствен-

ный шанс спастись. Он же, не спуская с ее зеленых очей напряженного поглощающего взора, хрипло вымолвил:

– Верь мне...

Железной хваткой он сильнее прижал стан девушки к себе и поднял руку с ножом вверх.

Софья невольно прикрыла глаза, выразив этим согласие, и Асатиани умелым движением обрезал веревку.

Глава VIII. Река

Все произошло стремительно. Сильный ветер ударил в лицо – и ощущение животного поглощающего ужаса завладело девушкой на длинные смертельные мгновения.

Через миг Софья почувствовала сильный толчок и что-то твердое и колючее под ногами. Они упали в невысокий кустарник, который смягчил удар. От силы падения они скатились с кустарника на траву. Лишь спустя минуту девушка пришла в себя, понимая, что все еще жива и лежит на груди у Асатиани. Он тут же поднялся на ноги, увлекая ее вверх и ставя на ноги.

– Все хорошо? – спросил Георгий и улыбнулся ей.

Впервые за все время трехдневного знакомства Софья увидела его радужную улыбку. Опешив, она уставилась на него, осознавая, что они едва не разбились, а его это все, видимо, забавляло.

– Господи, вы ненормальный! – только и выдохнула Софья ему в ответ.

И только теперь, отойдя от жуткого оцепенения и чувствуя невероятное облегчение от того, что они живы, легко ударила ладошкой мужчину в грудь. Он же, отчетливо понимая, что девушка от пережитого страха ведет себя грубо, лишь криво усмехнулся. Поправив на плече ружье и суму, он обвинил сильной рукой ее талию и потянул за собой, тихо властно приказав:

– Идем.

Софья вновь оперлась на него, перебирая ногами по зеленой траве. И тут же ощутила, что на правую ногу больно ступать. Внизу, в сгипе ступни, при каждом движении она ощущала сильные болезненные покалывания. Она сжала зубы, понимая, что нельзя медлить и надо идти вперед. Но через несколько минут от боли на лбу девушки выступила испарина, а глаза увлажнились. Однако Софья упорно молчала, стараясь меньше вставать на ушибленную ногу. Боль же в ее ступне с каждым шагом лишь усиливалась. Уже через четверть часа Асатиани заметил неладное. Он устремил на девушку пытливый взор и отметил ее полные молчаливых слез глаза. Она же упорно отводила лицо в сторону, пытаясь скрыть от него слезы. Он резко остановился.

– Что не так? – спросил Георгий строго. Обхватив подбородок девушки рукой, он заставил ее смотреть на себя, властно приказав: – Говорите, ну!

– Я... – Софья замялась. – Моя нога... – пролепетала она, виновато опуская взор вниз.

– Нога? – переспросил он.

– Вставать очень больно.

Он тут же надавил на ее плечи, опуская девушку на траву. Она послушно села.

– Какая? – участливо и уже менее строго спросил он.

Софья протянула больную ногу вперед, выставив ее из-под платья. Георгий присел перед ней на корточки и тут же без предисловий задрал ее платье до колена. Девушка промолчала, понимая, что сейчас, когда дикие горцы идут по их следу, нет времени для этикета и церемоний. Она наклонилась и показала на косточку над ступней.

– Здесь очень больно. Я ударила ее при падении.

Проворно стащив с ее ноги ботиночек, Асатиани начал ощупывать ее хрупкую ступню. Ощущая боль от его давления, Софья прикусила губу, стараясь не закричать. Уже через миг он вскинул на нее глаза и вымолвил:

– Она сильно опухла. Нужна холодная вода. Придется спуститься к реке.

Он засунул ее ботинок в свою суму, висящую на плече, и перекинул мешок на грудь. Повернувшись к Софье спиной, так и сидя на корточках, он велел:

– Держитесь за мою шею.

Девушка удивленно посмотрела на него, не понимая, что он хочет.

– Ну! Я понесу вас!

– Не надо, – пролепетала она неуверенно, видя перед собой его широкую спину, затянутую в темную пыльную черкеску, мощную шею и черный платок, который он повязал на волосы, сзади сделав два узла на затылке.

– Ну, держитесь, быстрее! – уже недовольно приказал он.

Понимая, что спорить теперь с ним опасно, ибо сваны были поблизости, Софья ухватила за его плечи и шею руками. Асатиани стремительно поднялся на ноги и, тут же заведя за спину руки, ладонями попытался схватить ее бедра. Но у него ничего не получилось, и он тут же скомандовал:

– Ногами обхватите мои бедра.

Девушка беспрекословно выполнила его команду, задрав платье, и Георгий сильными руками обхватил с боков ее ноги. Софья отвернула голову в сторону, чтобы ствол его ружья не задевал лицо. Мужчина немедленно устремился вперед через кустарники, огибая невысокие деревья. Распластавшись на его широкой спине, девушка прижалась лицом к мощной шее и тяжело вздохнула, подумав, что долго он так ее не пронесет. Он проворно шагнул все дальше, бесшумно ступая по мягкой зеленой траве.

Однако спустя полчаса Софья ощутила, как от напряжения ее руки дрожат, а у нее не было сил держаться за его шею, и она то и дело скатывалась со спины мужчины. В какой-то момент Асатиани остановился. Он быстро вытянул из сумки веревку и, ножом обрезав нужную длину, умело обмотал запястья девушки веревкой, связав их между собой. Он велел Софье перекинуть руки через его голову, и таким образом она повисла на его шее на кольце своих рук. Она поблагодарила его за это, ощущая, что так гораздо проще держаться. Хотя веревки и давили на запястья, но это было терпимо.

Через некоторое время они спустились к горной реке, и только тут Георгий чуть замедлил шаг и осторожно опустил девушку на камень. Софья убрала руки с его шеи. Он умело развязал веревки на ее запястьях и велел:

– Снимайте чулок.

Понятливо кивнув, она стянула чулок с больной ноги. Георгий внимательно осмотрел низ ее ступни и лодыжку.

– Действительно сильный ушиб, – заключил он. Быстро приподняв девушку на руках и вертикально удерживая ее за талию, прямо в сапогах зашел в реку по щиколотку и велел: – Опускайте ногу в воду.

Она сделала, как он сказал. Чтобы не намочить юбку Софья сильно задрала ее, опуская ногу. Проточная вода была ледяной, и девушка даже вздрогнула, ощутив, как она обжигает кожу. Он удерживал ее на руках над водой, и Софья отчего-то даже не испытывала стыда. За эти три дня Асатиани стал для нее настолько близок, что теперь она воспринимала его не как мужчину, а скорее как друга или брата. Она ощущала себя под надежной защитой, а страх, который испытывала перед ним в первые часы знакомства, исчез.

Спустя время Амир заметил лежащий у самой кромки воды большой камень и посадил девушку на него.

– Здесь будет удобнее, – сказал он.

Софья вновь опустила ногу в проточную воду, сильно задрав юбку. Через миг, не удержавшись, она сильнее наклонилась к реке. Набрав холодной свежей воды в ладонку, с удовольствием выпила. Георгий, находившийся в трех шагах от нее, тоже присел на корточки и, черпая ладонью воду, начал жадно пить. Он принялся споласкивать лицо и шею, и Софья также умылась. Когда Асатиани обернулся к ней, то отметил, что лицо девушки спокойно.

– Я вижу, вам лучше, – заметил он, выпрямляясь и подходя ближе к ней.

– Благодарю вас. Нога почти успокоилась, – кивнула Софья и улыбнулась ему, болтая ногой в бурлящей реке. Здесь было очень мелко, и глубина как раз не выше щиколотки. Она вновь вспомнила о сванах и тихо спросила: – Мы оторвались от них?

– Надеюсь на это, – мрачно ответил Георгий. И лишь на миг задумавшись, продолжил: – Пойдем по течению реки. Риони выведет нас как раз к землям лечхумцев. Сваны думают, что мы устремимся по дороге, по которой нас везли в горы, и последуют за нами по тому пути. Они наверняка решат, что мы не будем рисковать, идя по течению реки, ведь здесь слишком открытое место. Оттого у Риони нас не будут искать.

– Простите, Георгий Петрович, – смущенно заметила девушка.

– Да? – он поднял на нее глаза, и Софья в который раз поразилась властному тяжелому взору его серо-голубых глаз.

Суровое, мрачноватое выражение его лица, густые темные брови, сведенные к переносице, постоянно наводили девушку на мысли о том, что Асатиани жесткий и непреклонный мужчина. Грозный вид его указывал на то, что спорить с ним опасно, а уж враждовать могут решиться только отчаянные смельчаки. До сих пор перед глазами Софьи стояла картина, как он одним стремительным движением перерезал горло тому свану в пещере. Да и там, в ущелье, во время нападения на ее глазах он беспощадно изрубил почти дюжину людей Рашида. Оттого даже теперь, когда они пережили вместе так много, она все же опасалась говорить с ним по-простому, и старалась всеми своими словами выразить к нему почтение и уважение. Она сглотнула ком в горле и тихо заметила:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.